

Фаддей
БУЛГАРИН

МАЗЕПА

Фаддей Венедиктович Булгарин

Мазепа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=330762

Аннотация

Впервые роман «Мазепа» увидел свет в Петербурге в 1833–1834 годах. Этот роман наряду с «Димитрием Самозванцем» Булгарина, а также с романами М. Н. Загоскина представляет собой одну из первых в России попыток создания исторического романа как жанра.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	14
ГЛАВА III	21
ГЛАВА IV	32
ГЛАВА V	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Фаддей Венедиктович Булгарин

Мазепа

Исторический роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мнения насчет романов различны. Многие любители чтения и даже некоторые литераторы, особенно у нас, в России, требуют от романа одной занимательности происшествий и думают, что сей род словесности должен служить только для забавы. Неоспоримо, что занимательность в романе вещь необходимая, но дело в том, что она должна быть только путеводительницею к главной цели, а цель сия не должна быть одною забавою праздности. Роман должен служить автору средством или к развитию какой-либо философической идеи, или к освещению тайников сердца человеческого, или к пояснению характера исторического лица. Так понимают роман отличнейшие современные писатели Англии и Франции, а потому даже мужи ученые, философы и политики не пренебрегают ныне сим родом словесности и не стыдятся писать и читать романы. Этого прежде не бывало.

Весьма далек я от того, чтоб иметь притязания на сравнение себя с уважаемыми мною романистами Франции и Англии, однако же придерживаюсь их мнения насчет цели романа, состоящей в том, чтоб по древнему правилу: *«поучать забавляя»*. Действовал я и буду действовать единственно в сем убеждении и утешаюсь мыслию, что есть люди, которые поняли чистоту моих намерений.

В романе я предпринял представить *«очерки характера Мазепы»*, так как я понял его по истории и по преданиям. Мазепа был один из умнейших и ученейших вельмож своего века, и, чтобы быть великим мужем, ему недоставало только — добродетели! Без нее не сделали его счастливым ум, ученость, почести, богатство и власть.

Вот *«тема»* моего романа!

В нынешнее время в Малороссии и в Украине просвещение разлито в большей массе, нежели было до преобразования России, но тогда просвещение было виднее, ибо сосредоточивалось в малом числе избранных и составляло резкую противоположность с дикостью Запорожья и Заднепр-ия, где все достоинство человека поставлялось в удалстве и наездничестве. Палей избран мною в представители сего удалства, и характер его очерчен также сообразно с историею и преданиями.

Все прочие лица, входящие эпизодически в роман, носят на себе отпечаток тогдашнего века; образованность ума с дикостью нравов.

Изображение характера Петра Великого и Карла XII не входило в план моего романа. Я коснулся их только мимоходом.

Лорд Байрон и А. С. Пушкин воспользовались лучшими эпизодами из жизни Мазепы: романтическою любовью его в юности и в старости, с занимательными и ужасными последствиями сей необузданной страсти. Я почел благоразумным не входить в совместничество с столь отличными дарованиями и не коснулся того, что уже изображено английским и русским поэтами. Я ограничился политическим характером Мазепы, представив его, если смею так выразиться, в рамках частной его жизни. Для завязки романа я ввел вымышленные лица.

Исторические события, рассказываемые от имени автора, верны; но в происшествиях не соблюдено в точности хронологического порядка, ибо цель романа, как выше сказано, есть изображение характера Мазепы, а не история Малороссии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Возьмем же истины зеркало,
Посмотрим в нем твоих лучей;
Ехиднино раскроем жало,
Сокрытое в груди твоей.
Исследуем твои деянья,
Все виды, козни и желанья, -
И обнажим тебя всего.*

Державин

ГЛАВА I

*Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благодати душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?*

Державин

Южная Россия, ныне тихая, населенная, процветающая, была подвержена непрерывным волнениям и смутам, от пришествия варягов до основания империи Петром Великим. Междоусобные брани удельных князей, набеги татар, продолжительная и кровавая борьба с храбрыми единоплеменными соседями и народные смятения истощили богатую от природы страну, остановили ход просвещения и, утомив воинственных жителей, сделали их, наконец, беспечными к собственной участи. Вельможи, составлявшие всю силу аристократической Польской республики, воспользовались благоприятными обстоятельствами и, покорив лучшие области Южной России, обременили народ тяжким игом рабства. Но бедствия, угнетавшие страну, не истребили в храбрых ее жителях духа народности, основанного на православной вере, и священная память русской независимости сохранялась в народе, подобно неугасаемому огню древних язычников. Со времени первого нашествия татар на Южную Россию толпы отважных ее защитников, будучи не в силах спасти отечество и влекомые любовью к независимости и чувством народной самобытности, удалились в пустыни и на диких берегах Днепра, возле порогов, в густых камышах и неприступных засеках Сечь, вероятно, происходит от слова _засека_. Естественное укрепление есть засека в местах лесных, а вал и ров в полях., основали беспримерную дотоль в мире подвижную военную республику, получившую впоследствии название _Сечи Запорожской_. В течение нескольких столетий Сечь держалась и укреплялась новыми пришельцами из порабощенной родины и удалыцы из соседних и дальних стран сохраняли древние воинские обычаи предков. Презирав негу, живя добычею и почитая дикую независимость превыше жизни и всех ее наслаждений, запорожцы исключили женщин из воинского своего пристанища как лишнее бремя для человека, посвятившего себя в вечную войну. Вольное Запорожье не признавало ничьей власти и ничьих прав в порабощенном отечестве и жестоко отмщало потомкам Орд Батыевых и соотчикам польских вельмож за прошлые и настоящие бедствия Южной России, питая в жителях ее надежду к освобождению и поддерживая в народе воинственный дух. Надежда сия исполнилась, ибо основана была на справедливости. Созрели горькие плоды угнетения: ненависть и жажда мести, и мужественный, предприимчивый Зиновий Хмельницкий, восстав с горстью запорожцев против притеснителей, воззвал к оружию весь народ Малороссии и Украины, свергнув польское иго и возвратил России древнее ее достоинство. Облеченный в звание гетмана, или предводителя освобожденного народа, Хмельницкий,

признавая власть русского царя, управлял Малороссиею и Україною, как независимый владелец, на основании дарованных им прав и пребыл верен России. Но последовавшие за ним гетманы, избираемые вольными голосами, мучимые честолюбием, алчностью к богатству и подстрекаемые поляками, татарами, турками и волошскими господами, завидовавшими возникающему могуществу России, беспрестанно нарушали долг присяги и подданства, изменяли русским царям, возмущали народ, губя собственную родину и уязвляя общее отечество, Россию. Не имея постоянного, устроенного войска, Россия не могла держать в пределах законного повиновения вооруженный народ Малороссии и Украины. В опасностях и нуждах государства русские цари, наученные опытами, не смели полагаться на верность и помощь гетманов малороссийского народа, приученного к буйству и своеволию собственными старшинами. Политика тогдашнего российского двора требовала употреблять все возможные средства, чтобы иметь в гетмане человека верного и преданного престолу, и когда царевна Софья Алексеевна объявила себя правительницею государства, тогда любимец и первый ее советник, ближний боярин, государственных великих и посольских дел сберегатель, князь Василий Васильевич Голицын, отправился в Малороссию для избрания гетмана, преданного пользам царевны. По доносу генерального есаула Мазепы, гетман Самойлович, верный царям и чести, низложен и сослан в Сибирь, а на его место избран, происками Голицына, сам доносчик. Вознаграждая неблагодарность и гнусную измену, вопреки нравственности, князь Голицын посеял семена, которые принесли свои ядовитые плоды.

Генеральный есаул войска Малороссийского, Иван Степанович Мазепа, славился умом, познаниями в науках, искусством и ловкостью в делах письменных и государственных. Он употребляем был гетманами Дорошенком и Самойловичем при труднейших переговорах с русским двором, в сношениях с Польшею и с Крымом и заслугами достиг до почетного звания генерального старшины. Но при всем уме своем и ловкости он не имел в войске друзей, которые приобретаются сердцем, а не головою, и без влияния князя Голицына никогда бы не был избран в гетманы. В сем звании он вел себя весьма осторожно: во время насильственных потрясений, бывших в Москве, до принятия Петром Великим единодержавной власти, Мазепа держался всегда первенствующей стороны и повиновался одной силе. Будучи избран в гетманы противу воли и желания старшин и заслуженных родов в войске, Мазепа имел нужду в подпоре и потому искал покровителей при дворе Московском. Угодливостью и покорностью он снискал дружбу многих русских вельмож, приближенных к престолу, а верною и усердною службою приобрел милость самого государя.

В самую трудную и самую блистательную эпоху бытия России, во время ее перерождения, великий ее преобразователь имел нужду в верных и умных исполнителях своих исполинских предначертаний. По неотъемлемой принадлежности гения Петр умел находить их во всех сословиях народа, и сей гений, открывший чрез грубую оболочку невежества необыкновенный ум в юном Меншикове, не мог не оценить по достоинству изощренного науками и опытностью разума Мазепы. Государь, пользуясь советами и содействием гетмана в великих своих подвигах, наградил его первыми государственными почестями и почтил полною доверенностью, которую Мазепа оправдывал двадцатилетнею верною службой.

Петр Великий созидал среди пожара и разрушений. Когда великое дело преобразования России уже начинало процветать, вся Северная Европа объята была пламенем войны. Петру невозможно было утвердить величие России на прочном основании без возвращения отторгнутых Швецией приморских областей и без ослабления беспокойного соседа, Польши. Но сей подвиг, казавшийся сначала легким, порождал, по мере исполнения, непреодолимые трудности. Швеция произвела героя, равного Петру по воинской доблести и твердости душевной, который, повелевая народом мужественным, решился или погибнуть, или погубить соперника своего. С переменным счастьем, хотя с существенными выгодами для России, война продолжалась и на суше и на водах, пока, наконец, Карл XII, устранив Данию,

опустошил Саксонию и, обессилив Польшу посеянием в ней междоусобия, вознамерился вторгнуться в сердце России, лишенной всех своих союзников, свергнуть с престола Петра, так же как свергнул Августа в Польше, и разрушить до основания все великие начинания, долженствовавшие, по созрении своем, вознести Россию на нынешнюю степень могущества. Приближалась решительная минута! Карл XII надеялся найти в России недовольных правлением Петра и не стыдился смущать подданных своего соперника льстивыми, хотя лживыми обещаниями. Петр Великий готовился с твердостью встретить врага в пределах своих и, зная народный русский характер, не опасался обманчивых наущений иноплеменника. Только Малороссия и Украина, еще не сросшиеся с Россией и напитанные буйством прежних своих владетелей, несколько беспокоили государя; но там управлял Мазепа и государь, надеясь на испытанную его верность и на необыкновенную проницательность его ума, отдалял от себя все сомнения насчет того края и был совершенно спокоен. Мудрейшие государи могут только постигать ум и судить дела человека: сердце остается тайною до тех пор, пока участь сильного не будет зависеть от воли слабого. Только в несчастьи познается верный друг и бескорыстный слуга. Петр Великий не знал сердца Мазепы: оно открылось в опасности, угрожавшей государю.

Ни один гетман не управлял войском малоросским столь самовластно и вместе столь блистательно, как Мазепа. Его воля была законом для народа, а дарованные народу права — орудием к утверждению гетманской воли. Имея власть делать добро и зло, Мазепа приобрел приверженцев, которые находили свои выгоды в оказывании ему беспредельной преданности; но не имел искренних друзей, кроме племянника своего, Войнаровского, и питомца, Орлика, нераздельно связанных судьбою с участью гетмана. Старшины войсковые ненавидели его; но не смели обнаруживать своих чувствований. Примерная казнь доносчиков на гетмана и угнетение недовольных его правлением заставляли молчать всех его противников, а пешие полки гетманской стражи, называемые сердюками, набранные из вольницы, пользуясь преимуществами и наградами, устрашали народ и содержали его в повиновении. Мазепа жил с невиданною дотоле пышностью, в новом своем дворце, построенном в Батурине по образцу палат знатных польских вельмож. Здесь он угощал роскошно царских посланцев, генеральных старшин Чины в малороссийском войске сохранились те же, что были в старинном Польском Войске и в Республике. (См. о сем Историю Малороссии, соч. Бантыша-Каменского.) и полковников войска малороссийского, раболепствовавших пред властью гетмана. Но лаская и награждая старшин, оказывающих ему преданность, Мазепа устранил их от совещания в делах, по древнему обычаю, и сам сносился с государем и его вельможами, повелевая войском от своего имени. В Малороссии и русской Украине никто не смел рассуждать о пользе или вреде гетмановых распоряжений. Честь, имущество и свобода каждого жителя Малороссии зависели от воли гетмана, поправшего дарованные народу права.

В то время, с которого начинается сие повествование, несколько малороссийских полков находились на службе при войске русском, действовавшем в Ливонии, в Польше и в северных областях России, противу шведов и поляков, принявших сторону новоизбранного короля Станислава Лещинского. Остальным полкам отдан был приказ приготовляться к походу. Многие полковники и генеральные старшины, прибывшие в Батурин для личных объяснений с гетманом, уже две недели ожидали позволения представиться ему. Мазепа казался больным и никого не допускал к себе, кроме Войнаровского и Орлика, через которых передавал старшинам свои приказания. Враги и приверженцы Мазепы с равным нетерпением, хотя и с противоположными чувствованиями, ожидали прибытия врача, за которым послали нарочного в польскую Украину. Наконец, врач прибыл в Батурин и остановился во дворце гетманском.

После пробития вечерней зари на литаврах, перед дворцом гетмана, Мазепа отпустил на покой всех слуг своих и остался в почивальне своей с племянником своим, Войнаровским. В ближней зале стоял у дверей, на страже, неотступный слуга гетмана, немой татарин. Сей татарин был в детстве полонен запорожцами, и свирепый Дорошенко, умертвив его родителей, отрезал язык безмолвному ребенку, чтоб иметь впоследствии скромного слугу; но, будучи недоволен мальчиком за его угрюмость и упрямство, подарил другу своему, Мазепе. Ненависть к христианам, особенно к казакам, возрастала с годами в мстительной душе татарина за причиненное ему увечье и смерть родных, но он скрывал свои чувствования и, оказывая преданность своему господину, как злой дух питался только чужими бедствиями и страданиями. Один Мазепа понимал условные знаки татарина, и как в войске и в доме почитали его глухим, то гетман употреблял его для подслушивания чужих замыслов, которые должны были оставаться навсегда в тайне. Татарин, стоя на страже, трепетал от радости в уверенности, что ночная беседа гетмана породит для кого-нибудь бедствие, и, как вран, ожидал добычи.

Мазепа сидел в задумчивости перед столом, на котором развернуты были карты Польши, России и Украины. Он был в турецком халате и в больших бархатных сапогах. Голова его покрыта была небольшою красною скуфьею, или феской. Хотя ему было уже за шестьдесят лет, но он имел вид бодрый. Блестящие, быстрые глаза оживляли бледное лицо его. Он то покручивал длинные седые свои усы, то поглядывал на своего племянника, который стоял безмолвно возле стола, опершись на саблю, и ожидал с нетерпением окончания прерванного разговора. Наконец, Мазепа сказал:

– Любезный племянник! я воспитал тебя как царевича и имел попечение о тебе, как о родном сыне. Ты последняя отрасль моего рода и единственная моя надежда! Досель я употреблял тебя в одних воинских делах, но теперь укажу тебе поприще, на котором тебе нужны будут и доблесть воина, и проницательность государственного человека. Я открою тебе тайну, от которой зависит моя жизнь, честь и благо целой Малороссии. Слушай со вниманием! До сих пор ты не посвящен был в таинства моей политики и не знал положения наших дел. Но клянись мне, что ты ни словом, ни делом, ни помышлением не нарушишь верности ко мне!

– Можете ли вы сомневаться, мой отец, мой благодетель? Клянусь Богом и всеми святыми, что ни смерть, ни мучения не заставят изменить вам!

– Итак, слушай! На старости лет мне предстоит совершение подвига, на который напрасно покушались мои предшественники, после храброго, но недалёковидного Зиновия Хмельницкого. Я решился отложиться от России, основать независимое государство, укрепить его союзами с соседними владетелями, враждебными России, и тобой продлить род мой, на сооруженном мною престоле. Теперь или никогда!..

Трепет пробежал по всем жилам молодого человека, и вся кровь в нем взволновалась. Предстоящие опасности, слава и величие воспламенили в одно мгновение, как порох, пылкий ум и честолюбивую душу племянника Мазепы. Войнаровский встряхнул саблю, на которую упирался, ударил ею в пол и воскликнул:

– Независимость или смерть... Теперь, сей час!..

– Да, теперь или никогда! – сказал с жаром Мазепа и, помолчав, продолжал: – Если Петр останется победителем в сей войне, то он вознесет Россию на высочайшую степень могущества, и тогда Малороссия исчезнет как песчинка в степи. Если б я был на месте Петра, я также не согласился бы, ни за какие выгоды, иметь в своих владениях отдельную военную полуреспублику, которая гораздо более может вредить государству, нежели приносить пользы. Уже Петр намекал мне об этом, и когда я, в качестве гетмана Малороссийского, стал горячо возражать, – он затворил мне уста пощечиной! Пощечина эта врезалась у меня в ум и, как неизлечимая язва, осталась на сердце. Я отомщу, отомщу не как оскорбленный

раб, а как разгневанный владелец: буду воевать с русским царем и не допущу, чтоб та рука, которая поднялась на гетмана Малороссии, сломила мою гетманскую булаву и разодрала нашу войсковую хоругвь! Герой Севера, Карл, предлагает мне союз. Король польский, Станислав Лещинский, обещает уступить области, на которые Польша предъявляет права свои. Хан крымский ждет только моего согласия, чтоб соединиться со мною. Султан турецкий и волошский господарь дают деньги, и я едва ли буду не сильнее Петра, истощенного войною, постройкою флота и городов! Духовенство предано мне совершенно, страшась потерять свои вотчины, а народ Малороссийский, послушный моей воле, с радостью возьмется за оружие, когда я объявлю ему, что восстаю за его права. Правда, между поковниками и генеральными старшинами у меня есть враги, но я от них скоро отделаюсь. Одна трудность в том, что не вся Украина в моей власти. Кошевого атамана Сечи Запорожской, Гордеенку, я надеюсь склонить на свою сторону. Гетман Польской Украины, Самусь, при всей храбрости своей, человек простой, недаленовидный и легко может быть увлечен моими советами. Страшен мне один Палей! Это старая лисица в волчьей шкуре! В течение двадцати лет я не могу с ним управиться! Прежде он служил полякам, теперь враждует с ними и, признавая над собою власть русского царя, нося звание полковника Хвастовского, отложился от меня, завладел целым Заднепровьем Польским и сидит царьком в белой Церкви, набирая подати с пограничных жителей и разоряя Польшу. Ни обвинения мои, ни жалобы не имеют никакого действия при дворе Московском, и царь велел мне сказать, что если я хочу предать суду Палея, то должен представить его вместе с обвинительными актами. Вот в чем все мое горе! Пока Палей жив и свободен, я не могу ничего начать. Он имеет сношения с моими врагами, слывет богатырем в войске, и если б я восстал противу царя московского, то он мог бы произвести замешательство даже в моих полках и переманить большую часть к себе. У меня воинский порядок, а у него дикая вольность; у меня для казака труд и тяжкая служба, а у него праздность и грабеж. Хитрый Палей не дремлет и беспрестанно наблюдает за мною. Верно, он догадывается о тайных связях моих с Польшею, что прислал сюда двух своих посланцев будто бы с предложением мира и покорности, а в самом деле для шпионства. Но он меня не обманет: я знаю обоих его молодцев! Огневик хотя молод, но хитер и смышлен. Он воспитан у иезуитов и служит вместо секретаря при Палее. Иванчук был писарем при Дорошенке. Этот старик, при всей дикости своей, ловок в делах и искусен во всех пронырствах. Они здесь ничего не узнают, но и я от них ничего не выпытаю, а потому не хочу даже видеть их и тебе, племянник, запрещаю видаться с ними. Пусть Орлик ведет с ними переговоры, пока я велю их выслать восвояси. Дело с Палеем я поручу иезуиту Заленскому, посланцу короля Станислава, и надеюсь, что иезуитская хитрость переможет запорожское пронырство. Но теперь нам надобно начать с того, чтоб посеять неудовольствие в войске нашем, приготовить все к наступающему пожару, и как я никому не верю и ни на кого не смею положиться, то избрал тебя, чтоб бросить первую искру...

– Дядюшка! Я готов на все! Приказывайте! За вас готов пролить последнюю каплю крови!..

– Нет, любезный племянник! Пусть проливает за нас кровь наш народ, а мы должны щадить кровь свою и действовать умом. Первая добродетель, в твоём положении, должна быть – скромность, а первое искусство в нашем деле... как бы это назвать!.., благоразумие, то есть умение казаться тем, чем надобно быть для успеха предприятия, именно то, что простодушные люди называют притворством.

– Дядюшка! – возразил молодой человек, посмотрев на Мазепу с удивлением. – Я не учился притворству и не могу вдруг сделаться искусным в этом ремесле!

– Учись, а если не хочешь, так откажись от желания управлять людьми и достигнуть первой степени могущества. Мне, в моем звании, невозможно сближаться с моими подчи-

ненными; но ты можешь и должен искать друзей и приверженцев, а в этом иначе нельзя успеть...

Молодой человек не мог вытерпеть и снова прервал слова дяди, сказав:

– Но друзей приобретают откровенностью, простосердечием, а не притворством!..

– А кто ж тебе запрещает казаться откровенным и простосердечным? Но быть и казаться большая разница! Искренностью, при великом предприятии, ты предаешь себя во власть того, с кем ты откровенен, а только казавшись искренним, овладеешь человеком по мере возбуждения в нем истинной к тебе доверенности. Не открывай никому своих намерений, но умей вперить в каждого свой образ мыслей, заставь открыться себе и кажись убежденным чужими доводами. Люди тогда только усердно служат и помогают другому, когда убеждены, что действуют своим умом, ибо тогда они уверены, что действуют для собственной пользы. Я открыл тебе все мои надежды, потому что ты – другой я, и что я только насаждаю древо, с которого ты, с твоим потомством, соберешь плоды. Но до тех пор, пока я не прикажу ударить на московские полки, никто в войске моем не должен даже догадываться о моем намерении, – никто, понимаешь ли?

– Как никто! неужели и Орлик, и Чечел, и Кенигсек? – спросил с изумлением Войнаровский. – Эти люди преданы вам душевно, дядюшка!

– Преданы! Но зачем мне без нужды испытывать их верность? Помни слова молитвы: "...и не введи нас во искушение"! Человек слабое творение, любезный племянник. Им должно действовать как орудием, взяв крепко в руки, но не должно опираться на него, из опасения, чтоб не сломился. Большая часть людей привержена к власти, а не к человеку, имеющему власть, и если верность моих приверженцев положить на весы между мною и царем московским, то, быть может, весы поколеблются и перетянут на царскую сторону! На великий, решительный и опасный подвиг людей надобно вызывать в последнюю минуту, перед начатием дела, чтоб они не имели времени рассуждать и совещаться, а до тех пор должно только ласкать их и привязывать к себе. Пуля оттого бьет крепко, что вылетает из ружья быстро, а кто заряжает его осторожно, тот более уверен в успехе. Ты должен начать с распространения слухов, будто царь объявил решительно, что по окончании войны он намерен переселить казаков к новому городу, Петербургу, и уничтожить казатчину. Но не говори, что ты сам слышал это, а только спрашивай, правда ли, будто об этом поговаривают в войске. Стоит только породить мысль и бросить ее в народ, а она сама распространится, если вымышленное дело опасно для всех и предосудительно для власти. Люди так созданы, что скорее верят злomu, нежели добромu...

– Позвольте заметить вам, дядюшка, что если вы почитаете Палея столь опасным для себя, то не лучше ли начать с того, чтоб распространить в войске какие-нибудь вредные вести на его счет?

– Сохрани тебя от того Бог! – возразил Мазепа. – Помни слова философа Сенеки: *Professa produnt odia vindictae* *Jocum* То есть, обнаруживая ненависть, мы лишаем себя средств отмстить... Все знают, что Палей враг мой; каждое двусмысленное твое слово об нем будет сочтено злым намерением противу него и, вместо вреда, принесет ему пользу. Напротив того, ты должен восхвалять Палея, превозносить его, сожалеть о неприязни его ко мне и обнаруживать желание о нашем примирении. Этим ты усыпишь друзей его, а порицанием ты только разбудишь их. Что же касается до царя, то все знают, что он ко мне милостив, что я предан ему и служу верно, и нас не станут подозревать в выдумке злых вестей противу него. Надобно так устроить, чтоб войско, веря в угрожающее ему бедствие, думало, что я также согласен с царем на переселение казаков и уничтожение войска. Пусть меня подозревают в измене войску, пусть бранят, проклинают, и тогда-то узнав, наконец, что я восстаю для защиты народа, жертвуя милостию царскою, все с восторгом пристанут ко мне, не подозревая, что умысел составлен мною и для нас... Понимаешь ли теперь дело, племянник?

– Я удивляюсь вашей мудрости, дядюшка! Но, признаюсь, мне было бы приятнее, если бы вы поручили мне такое дело, которое надлежало бы начать и кончить саблею. Я новичок в политике и опасаясь, чтобы не оступиться на этой скользкой стезе...

– Держись за меня, племянник, и не зевай, а все будет хорошо. Сабля, племянник – ultima ratio, но и сабля сокрушается умом. Медведь сильнее человека, а человек заставляет его плясать под палкой. Теперь позови патера Заленского. Надобно отпустить его. Пребывание его здесь может возбудить подозрение, если посланец Палея, Огневик, узнает его. Иезуит требует от меня решительного ответа на предложение королей приступить к их союзу. Надобно отделаться от него так, чтоб он не знал ничего решительного.

– Но вы уже решились, дядюшка?

– Решился, но этого не должны знать те, которым нужна моя решительность! Не так я глуп, чтоб, полагаясь на одни обещания, вверил участь свою людям, которым я нужен только как орудие к их собственным пользам. Короли могут завтра примириться с царем и, в залог своей искренности, предать меня. Нет, они не проведут меня! Я сам извещу царя о делаемых мне предложениях королями и тем обеспечу себя на всякий случай. Королям же буду обещать все и исполню, когда это не будет сопряжено с опасностью измены с их стороны. Надобно забавлять их до поры до времени, а когда настанет решительная минута, тогда положение дел покажет нам путь, на который должно устремиться. Ступай же за иезуитом!

Войнаровский вышел, не говоря ни слова, чтоб позвать иезуита, а Мазепа, покачив головою, сказал про себя: "Молодость! молодость! Пусть он верит в наследство!.. Оно, в самом деле, может достаться ему, если я останусь бездетным. Но за это еще нельзя поручиться!.." В ожидании иезуита Мазепа стал снова пересматривать карту Польши, на которой означены были предполагаемый путь и становища шведского войска из Саксонии в Украину.

Дверь отворилась, и за Войнаровским вошел пожилой человек низкого роста, бледный, сухощавый. Он сбросил с себя синий плащ, прикрывавший иезуитский наряд, поклонился низко гетману и сказал обыкновенное приветствие католических священников: "Laudatur Jesus christus!"

– In secula seculorum, amen! – отвечал Мазепа и, указав рукою на стул, примолвил: – Присядь, старый приятель, патер Заленский, и поговорим о деле. – Патер снова поклонился и сел, а Мазепа продолжал: – Перед племянником у меня нет ничего скрытого, и я стану говорить с тобою без обиняков, по врожденной мне откровенности и моей казацкой простоте. Начну с повторения сказанного уже мною тебе, патер Заленский, что пока вы не избавите меня от Палея, до тех пор у меня руки будут связаны. Я человек добродушный, не питаю к нему ненависти, а напротив того, много уважаю его. Но он вреден для нашего общего дела, и если вы искренно желаете освободить Украину от русского владычества, то должны начать со старого Палея, на которого оно опирается в здешнем крае. Притом же Палей жесточайший враг поляков и без разбору опустошает владения приверженцев обоих королей в Польше. За это самое он уже достоин казни! Я не постигаю, почему русский царь до сих пор терпит хищничество этого разбойника и не слушает ничьих жалоб на него! Вероятно, Палей оклеветал меня перед царем и царь, сберегая Палея и позволяя ему владеть независимо от меня Хвастовским полком и отнятыми у польских панов землями, хочет держать в узде меня, с моими полками, надеясь на неусыпность Палеевой вражды. Когда же не станет Палея – я буду один властелин в Малороссии и Украине и тогда... тогда могу безопасно совещаться о союзе с королями!

– Но я не предвижу, какими средствами можем мы избавиться от Палея... – сказал иезуит, потупя взоры. – У нас нет войска в этой стороне, а атаман Заднепровских казаков в дружбе с ним и следует его советам...

– Полно, полно! – возразил Мазепа. – Ведь мы учились с тобой в одной школе, патер Заленский! Помнишь ли, как нам повторяли, что, где нельзя быть львом, там должно сде-

латься лисицей. В Украине много тайных католиков и учеников ваших, патер Заленский, а на что не решится католик с разрешения духовного отца и с уверенностью, что он действует для блага церкви! Иезуитский Орден уже не раз делал чудеса и доказал, что чашке шоколаду или рюмке вина он может дать силу пули и кинжала. Патер Заленский, пожалуйста, будем откровенны между собою. Я человек простой, не хитрый, и у меня, как говорится, сердце на ладони. Вот, например, первый любимец Палея, Огневик, который теперь в Батурине, твой ученик и друг. Здесь было бы опасно для нас, если б он увидел тебя и узнал, что ты приехал сюда под именем врача; но когда б ты встретился с ним в другом месте и растолковал ему, какая польза была бы для него, если б старик Палей отправился *ad patres*, какие награды получил бы он от королей?

– Нет, ясновельможный гетман, об этом и думать напрасно, – отвечал иезуит. – Огневик обязан Палею жизнью и воспитанием и ни за что не изменит своему благодетелю. Я хорошо знаю этого молодого запорожца. Науки образовали ум его, но несколько не укротили в нем дикости запорожской, не обуздали пылкого нрава и не изгладили того простосердечия, которым отличаются они в самой своей свирепости. С Огневиком нельзя делать попыток в подобных делах. Он хладнокровно готов перерезать половину рода человеческого, если б это надобно было для безопасности разбойничьего притона его благодетеля, но за все земные блага не сделает того, что почитается злом в их шайке. Огневик умен и просвещен за пером и за книгою, но при сабле он тот же хищный зверь, как и все запорожцы. С ним страшно переговариваться!..

– Так приищи другого... Нельзя ли употребить женщин? Это стрелки и наездники иезуитского воинства, патер Заленский! – сказал с улыбкою Мазепа.

– Дело это надобно обдумать, и я обещаюсь вам, ясновельможный гетман, предложить его на общее совещание в нашем коллегиуме. Но прежде надобно решить важнейшее. Благоволите подписать договор, ясновельможный гетман, которого ждут с нетерпением их величества!

– Подписать! – сказал с улыбкой Мазепа. – Я не думал, чтоб, при твоём благоразумии, ты был так тороплив, патер Заленский. Царь Петр, купивший мудрость опытностью, повелел присягать своим воинам, чтоб они во всем поступали: "_как храброму и неторопливому солдату надлежит_" Подлинные слова из военной присяги... *Scripta manent, verba volant*, патер Заленский! Ты человек умный, итак, скажи же мне, на что бы пригодилось королям условие подписанное мною, если б его величество король шведский отложил намерение свое вторгнуться в Россию чрез Украину и заключил мирный договор с царем, а вследствие того, если бы мое содействие было ненужным его величеству, и с моей стороны даже невозможным?

– Тогда бы их величества возвратили вам, ясновельможный гетман, подписанный вами трактат, в такой же тайне, как и получили, – отвечал иезуит.

– Итак, для избежания затруднений при сбережении тайны, пусть же этот трактат останется неподписанным до тех пор, пока гласность его не будет ни для кого опасною. Я даю тебе мое гетманское слово исполнить все условия, изъясненные в трактате, как только король шведский вступит с войском в Украину и когда вашим содействием я, до того времени, избавлюсь от Палея, который своим влиянием мог бы помешать мне. Слово мое прошу передать их величествам. Одиннадцатая заповедь моей веры: *Verbum nobile debet esse stabile*.

– Но все, что вы изволите говорить, ясновельможный гетман, не согласно с данным мне наставлением при отпуске к вам, – возразил иезуит, – и не удовлетворит...

– Как угодно, патер Заленский, – сказал Мазепа, прервав слова иезуита, – я человек простой, не хитрый и говорю откровенно, по-казацки, что думаю. Я буду верный слуга их величествам, но не прежде, как могу свободно действовать. Это мое последнее слово!

– Этот ответ не утешит княгини, – примолвил иезуит, – она особенно поручила мне сказать вам...

– Об этом после, патер Заленский! – возразил быстро Мазепа и, оборотясь к Войнаровскому, который во время этого разговора стоял почти неподвижно возле стола и слушал со вниманием, сказал: – Поди, любезный племянник, и узнай, готовы ли лошади и провожатые для почтенного моего врача. Да останься в канцелярии, пока я позову тебя, когда будет нужно.

Войнаровский приметно смутился, когда иезуит сказал о княгине. Не говоря ни слова, он вышел из почивальни и медленными шагами, в задумчивости, удалился из комнат гетманских.

– Хотя я и сказал тебе, патер Заленский, что перед племянником я не имею тайн, но ты должен был догадываться, что сердечные дела исключаются из общего разряда. Напрасно ты намекнул при нем о княгине!

– Прошу извинить меня, ясневельможный гетман, но мне мало остается времени для переговоров с вами, и притом же я так был занят моим предметом, что совсем забылся...

– Ну, что ж говорит прелестная княгиня Дульская? – спросил Мазепа, устремив пристальный взор на иезуита.

– Она приказала мне сказать вам, ясневельможный гетман, что с тех пор, как вы приобрели любовь ее и получили согласие на вступление в брак, княгиня находится в весьма затруднительном для нее положении и не знает, как из него выпутаться. Родственник ее, король Станислав, не зная о ваших связях с нею, принуждает ее решиться на выбор мужа из числа знатнейших вельмож польских, старающихся получить ее руку. При нынешних междоусобиях в Польше это послужило бы к поддержанию королевской стороны. Другие родственники княгини, которых участь соединена с торжеством короля, также просят ее неотступно об этом. Будучи душевно к вам привязана, она решилась бы оставить все свои надежды в Польше и приехать к вам, если б не опасалась, что брак с родственницей друга Карла XII повредит вам в мнении царя московского. Итак, она просит вас покорнейше утвердить подписью договор с королями; тогда она объявит королю Станиславу, что она ваша невеста, и освободится от утруждающих ее убеждений, близких к принуждению. Но пока она не уверена, что вы союзник ее родственника, княгиня боится открыть ему о своих связях с вами, чтоб не подвергнуться подозрению, ибо весьма многие почитают вас искренним другом царя Петра.

Мазепа задумался.

– Вспомни, патер Заленский, историю Самсона с Далилою! – сказал он, улыбаясь. – Сила моя также вмещается в тайне, и если тайна сия выльется на бумагу до времени, то я попаду во власть филистимлян! Но для успокоения княгини я напишу к ней письмо!

Вдруг вдали послышался шум, и татарин опрометью вбежал в комнату. Он истолковал Мазепе, знаками, что внизу, в сенях, где находилась стража сердюков, произошло замешательство. Гетман забыл о своей болезни, вскочил с кресел, схватил пистолеты со стены, подпоясался кушаком, положил их за пазуху и вышел поспешно из почивальни, опираясь на плечо татарина. Иезуит, трепеща от страха, спрятался под кровать. Когда Мазепа прошел чрез залу и приближался к передней, он услышал звук оружия и яростные вопли сердюков. Отворив двери на лестнице, гетман встретил Войнаровского, который бежал к нему вверх. Они остановились, чтоб объясниться.

ГЛАВА II

Извлек он саблю смертоносну:

– Дай лучше смерть, чем жизнь поносну

Влачить мне в плене! – он сказал.

И. И. Дмитриев

– Что это значит? – спросил Мазепа. Войнаровский отвечал:

– Орлик, проходя по коридору нижнего жилья, увидел при слабом свете фонаря человека, который притаился за столбом. Когда Орлик подошел к нему, он бросился на него, свалил с ног Орлика и стремглав побежал по задней лестнице, ведущей в сад. По счастью, дверь на том крыльце была заперта и стража успела окружить дерзкого. Вообразите наше удивление, когда в этом ночном посетителе мы узнали Огневика, посланца Палеева!..

– Огневик!.. Посланец Палея!.. В моем доме... ночью!.. – вскричал Мазепа. – Измена!.. Коварство!.. Он, верно, хотел убить меня!..

– Так и мы думаем, – примолвил Войнаровский, – и потому велели схватить его живого, чтоб расспросить. Но он не сдается, невзирая ни на угрозы, ни на увещания, и уже переранил нескольких сердюков.

– Вы очень умно поступили, что не велели убить его на месте, хотя он и заслужил это, – сказал Мазепа. – Но постой, я поймаю этого зверя тенетами!

Опершись одною рукой на Войнаровского, а другою на татарина, Мазепа сошел с лестницы в большие сени. В углу, у печи, стоял молодой человек исполинского роста, в коротком куптуше, в широких шароварах и в низкой бараньей шапке. Он махал саблей, отклоняя удары, которые старались ему нанести сторожевые сердюки. Один из сердюков, увидев Мазепу, закричал:

– Ясневельможный пане гетман! Позволь пустить пулю в лоб этому головорезу! Он уж умылся нашею кровью, и мы только напрасно бьемся с ним!..

– Никто ни с места! – сказал Мазепа повелительным голосом. – Кто смеет обижать в моем доме дорогого гостя и посланца моего приятеля, полковника Хвастовского полка? Прочь все, отступите от него! А тебя, пан есаул Огневик, прошу извинить, что люди мои тебя беспокоили.

Бой прекратился. Сердюки с ропотом отступили, и Огневик в замешательстве не знал, что делать. Он не промолвил ни слова и с удивлением смотрел на Мазепу, который приближался к нему медленно, прихрамывая. Подойдя к Огневику на три шага, Мазепа вынул из-за пазухи пистолеты и отдал их татарину, дал знак, чтоб он отнес их назад, в почивальню. Потом, оборотясь к сердюкам, стоявшим в некотором отдалении, сказал:

– Сабли в ножны, ружья по местам!

– Ты видишь, – сказал Мазепа Огневику, – что я не намерен поступать с тобой неприятельски. Вот ты стоишь вооруженный противу меня, безоружного, и я вовсе не подозреваю в тебе злого умысла. Ты гость мой; поди со мною в мои комнаты, и мы объяснимся с тобой дружески. Притом же ты окровавлен и, кажется, ранен. Если б я желал тебе зла, то ты видишь, что, по одному моему слову, ты лежал бы трупом на месте. Но я, напротив того, желаю тебе всякого добра и рад случаю показать полковнику Палею мое к нему уважение и дружбу ласкою и снисхождением к его посланцу. Пойдем со мной, пан есаул!

Огневик, казалось, колебался; наконец он вложил окровавленную саблю в ножны, снял шапку и, поклонясь гетману, сказал:

– Я противустоял насилию, но покоряюсь беспрекословно ласковому приказанию и готов исполнить все, что вы прикажете, ясневельможный гетман!

Мазепа подошел к Огневику и, потрепав его по плечу, примолвил:

– Я люблю таких молодцев! Пойдем-ка ко мне и переговорим спокойно и по-приятельски, а там ты пойдешь себе, с Богом, куда захочешь.

Мазепа, опираясь на Войнаровского и на Орлика, пошел вверх по лестнице, оставив в недоумении и негодовании сердюков, которые роптали, про себя, за такое снисхождение к дерзкому пришельцу. Орлик втайне разделял чувства сердюков. Огневик следовал за Мазепой, который пошел в свой кабинет, послав служителя вперед засветить там свечи. Вошел туда, Мазепа сел в кресла и сказал Войнаровскому и Орлику:

– Подите, детки, к доктору, в мою почивальню. Он, верно, соскучился в уединении! Я позову вас, когда будет надобно. Велите татарину стоять у дверей. Не опасайся ничего! – примолвил он, обращаясь к Огневику: – Мы с тобой останемся наедине, и татарин станет у дверей не для стражи, а для помощи мне, хворому, в случае надобности.

Войнаровский и Орлик вышли из комнаты.

– Ты, пан есаул, человек умный, а потому я с тобой стану говорить без обиняков, со всею моею откровенностью. Скажи: что б ты подумал о теперешнем случае, если б ты был на моем месте? Полковника Палея почитают врагом моим. Тебя, его верного и неизменного сподвижника, находят ночью в моем доме прячущегося от моих людей, и, наконец, когда велят тебе положить оружие и объясниться, зачем ты ночью вошел в гетманский дворец, оберегаемый стражею, куда не позволено входить без позволения даже верным моим генеральным старшинам и полковникам, – ты стараешься силою выйти из моего дворца и бьешь моих людей! Скажи, пан есаул, что б ты подумал об этом, будучи на моем месте?

– Признаюсь, ясновельможный гетман, – отвечал Огневик, – что с первого взгляда можно счесть меня преступником. Но клянусь пред вами Богом и совестью, что я не повинен ни в каком злом противу вас умысле. Я проходил вечером мимо вашего сада. Калитка была не заперта, и я вошел в него погулять. Прилегли на траву, я заснул и проснулся уже поздно. Желая возвратиться тем же путем, я нашел калитку запертою и потому хотел пройти чрез сени, увидев отпертую дверь на заднем крыльце. Не зная расположения дома, я запутался и попал в коридор. Послышав шаги в коридоре, я почувствовал неосторожность моего поступка и хотел спрятаться от проходящего, чтоб не возбудить в нем подозрения. Орлик напал на меня, закричал на стражу, и я, не думая ни об чем, по врожденному чувству, стал обороняться. Вот все, что я могу сказать в свою защиту, и прошу вас, ясновельможный гетман, верить мне.

Пока Огневик говорил, Мазепа писал карандашом на лоскутке бумаги. Когда Огневик кончил свое оправдание, Мазепа захлопал в ладоши. Вошел татарин. Мазепа отдал ему записку, сделав несколько знаков, и татарин, кивнув головою, снова вышел. Тогда Мазепа сказал Огневику:

– То, что ты изволил сказывать, пан есаул, было бы хорошо выдуманно, если б мне не известно было, что ключи от садовой калитки и от задних дверей хранятся у Орлика и что двери отпираются по моему приказанию. Впрочем, подобрать ключ к замку не великая мудрость и его может подделать каждый слесарь. Но не в том дело. Мне давно уже сказывали, будто Палей хочет знать внутреннее расположение моего дома и намеревается подослать убийцу, чтоб умертвить меня. Я уверен, что ты не взял бы на себя такого гнусного поручения; но скажи мне откровенно, не слыхал ли ты чего-нибудь об этом? Жизнь твоя была в моих руках, но я не воспользовался моим преимуществом и поступил с тобой, как с приятелем. Из благодарности ты можешь сказать мне, для моей предосторожности, справедлив ли этот слух?

– Я никогда и ни от кого не слыхал об этом и готов жизнью ручаться за полковника Палея, что он не в состоянии покушаться на такое гнусное дело. Он человек горячий, сердитый, но честный и простодушный. Врага своего он готов убить в бою или в единоборстве, но

никогда не посягнет на ночное убийство. В этом вы можете быть уверены, ясновельможный гетман!

Мазепа лукаво улыбнулся.

– Дело идет не о похвальных качествах полковника Палея, но об его вражде ко мне, – сказал он. – Неужели он не дал тебе никакого другого поручения, кроме предложения своей покорности? Мне что-то не верится, пан есаул! Будь откровенен со мною и выскажи всю правду. Если ты боишься Палея, то я даю тебе гетманское слово, что завтра же сделаю тебя полковником в нашем верном войске малороссийском и дам вотчину, в вечное владение.

– Я не хочу ложью приобретать ваши милости, ясновельможный гетман, – отвечал Огневик. – Полковник Палей не давал мне никакого другого поручения и не имеет никакого злого противу вас умысла. Напротив того, он желает помириться с вами и поступить под ваше начальство.

– Он не должен был выбиваться из моего законного начальства, – возразил Мазепа. – Но я вижу, что с тобой нечего делать: ты не знаешь ни благодарности, ни обязанности своей к законному твоему гетману. Бог с тобой! Я на пишу сейчас письмо к полковнику Палею, и ступай себе, с Богом, в Белую Церковь! Ты должен немедленно, сей же ночью отправиться в путь. Однако ж, после того что случилось здесь, я не могу тебя отправить восвояси иначе, как в сопровождении моей стражи. Надеюсь, что ты эту предосторожность не сочтешь излишнею?

– Мой долг повиноваться вам, ясновельможный гетман! – отвечал Огневик.

– Хорошо было бы, если б это была правда, – сказал Мазепа, улыбнувшись, и, не ожидая ответа, принялся писать. Огневик между тем стоял у дверей и ожидал, когда он кончит. Вошел татарин и, сделав несколько знаков, удалился. Мазепа положил перо и сказал Огневику:

– Прежде отъезда ты должен непременно явиться к полковнику царской службы, Протасьеву, который находится при войске малороссийском, по повелению царя для наблюдения за пользами службы его царского величества. Он должен засвидетельствовать, что ты отпущен отсюда цел и невредим. Но твоя одежда изорвана и облита кровью, а в таком виде неприлично тебе явиться к царскому чиновнику. Поди в ближнюю комнату, умойся и переоденься. Я велю выдать тебе что нужно!

Мазепа хлопнул в ладоши, и татарин снова явился.

По данному Мазепою знаку, татарин отворил двери в другую комнату, взял со стола свечу и кивнул на Огневика, который беспрекословно последовал за ним. Мазепа пошел в почивальню.

Огневик вошел в небольшую комнату с перегородкою. Несколько пар платья лежало на стульях; на столе стоял умывальник. Татарин показал знаками, что должно раздеться. Огневик отпоясал саблю, снял с себя кафтан и хотел умываться. Но в самую эту минуту татарин схватил саблю Огневика и перебросил ее чрез перегородку, в которой дверь мгновенно отворилась и четверо сильных сердюков бросились опростометью на Огневика, не дали ему опомниться, повалили на пол, связали веревками по рукам и по ногам, рот завязали полотенцем и потащили за перегородку. Татарин поднял дверь с полу, и сердюки спустили Огневика по высокой и крутой лестнице в подземный погреб. Там, при свете лампы, уже ожидал их тюремный страж, который из огромной связки ключей выбрал один и отпер боковые железные двери в небольшой, но высокий погреб. Здесь сердюки помогли тюремщику приковать Огневика к стене, подстлали под него связку соломы, развязали ему рот, поставили при нем ведро воды и положили кусок хлеба. Огневик не промолвил слова во все это время и, будучи не в силах противиться, беспрекословно позволял делать с собою все, что им было угодно. Татарии с приметною радостью помогал сердюкам приковывать Огневика, и, удаляясь из погреба вместе с сердюками, с улыбкой погладил узника по голове, и провел несколько раз

указательным пальцем по шее, как будто давая знать, что его ожидает. Страж взял лампаду, вышел последний из погребца и запер двери снаружи внутренним и висячим замком. Огневик остался во мраке.

Мазепа, пошутив над иезуитом насчет его трусости, сказал ему:

– Теперь, патер Заленский, ты должен остаться на несколько дней у меня и переговорить со старым своим знакомцем, Огневиком, которого уже нечего опасаться. Во что бы ни стало, но я узнаю, зачем приятель Палей подослал ко мне своих людей. Один из них уже в мешке, а за другим я послал моих сердюков!

– Сомневаюсь, ясновельможный гетман, чтобы вы могли выпытать что-нибудь от Огневика, – отвечал иезуит. – В нем душа железная!

– А мы смягчим это железо в огне! – возразил Мазепа. – Ты знаешь, старый приятель, что душа столько же зависит от тела, как тело от души. Крепкое тело сначала изнурим мы постом и оковами, а твердую душу ослабим мраком и уединением. Верь мне, патер Заленский, что самый твердый, самый мужественный человек, который презирает смерть с оружием в руках, при свете солнца, и даже готов выдержать жесточайшую пытку в крепости сил телесных, что этот самый человек, лишенный пищи, движения, света и воздуха, непременно упадет духом, по прошествии некоторого времени... Ведь тюрьма именно для этого и выдумана умными людьми.

– Но что скажет Палей, узнав, что вы, дядюшка, задержали его посланцев? – сказал Войнаровский.

– Он и до сих пор не говорил об нас ничего доброго, – возразил Мазепа с улыбкою. – Посланцы его так же, как и он сам, суть мои подчиненные, и я имею полное право над ними.

– Но если Палей искренно желал примирения, если Огневик в самом деле невиновен в злом умысле?... – возразил Войнаровский.

– Тогда Палей должно было самому явиться с повинною, а посланцам его надлежало вести себя осторожнее, – отвечал Мазепа. – Я сам человек простодушный и неподозрительный, как и ты, любезный племянник: но всему должна быть мера. Впрочем, это дело общественное, а не мое собственное, и я обязан исследовать его порядком. Послушаем, что скажет Орлик. Что ты думаешь, Орлик, как должно поступить в этом случае?

– По моему мнению, так этого ночного разбойника надобно взять в порядочные тиски и выжать из него всю правду, после, для примера, петлю на шею, да на первую осину! – сказал Орлик.

– Орлик говорит как человек государственный, – сказал Мазепа, – а ты, племянник, все еще нянчишься со своими школьными понятиями о делах и об людях. Ты знаешь, что я не люблю проливать крови, что я не могу смотреть равнодушно, когда режут барана – но, где общее благо требует жертв, там скрипя сердце должно прибегать даже к жестоким средствам. Если б Огневик сознался добровольно, я не тронул бы волоса на голове его, а теперь... он должен выдержать пытку. Не правда ли, Орлик?

– Иначе быть не может и не должно, – отвечал Орлик.

– Орлик понимает дело, – примолвил Мазепа, – а ты, патер Заленский, мой старый приятель и школьный товарищ, что скажешь об этом?

– Вы лучше меня знаете, что должно делать, ясновельможный гетман, – отвечал иезуит. – Но я думаю, что к крайностям должно прибегать в таком только случае, когда они могут принести верную пользу. Огневика же вы не заставите муками изменить своему благодетелю.

– Так я накажу его за измену мне, законному его гетману, – сказал Мазепа. – Но вот привели и другого...

В комнату вошел любимый казак Мазепы, Кондаченко, и остановясь у дверей, сказал:

– Иванчук ушел из города!

– Как! когда? – воскликнул Мазепа в гневе.

– Недавно, в то самое время, как мы управлялись здесь с его товарищем, Огневиком, – отвечал Кондаченко. – Они жили в доме хорунжего Спицы, который, уже четвертый день, отправился в Стародуб. Мы допросили жену его и парубков. Жена хорунжего сказала нам, что Иванчук был в своей светлице и ждал товарища, как вдруг кто-то постучался у окна, шепнул что-то на ухо Иванчуку, а тот пошел в конюшню, оседлал коня, съехал со двора – и только!..

– Измена! заговор! – сказал Мазепа, ударив рукой по столу, – но я все узнаю, все открою! Послать погоню за беглецом...

– Наши поскакали уже по всем дорогам, и сам есаул Небеленко понесся по Винницкому тракту с десятью казаками, – отвечал Кондаченко.

– Хорошо, спасибо вам, братцы! Видишь ли, Орлик, как глубоко Палей запустил свои когти в мою гетманщину, – сказал Мазепа. – Иванчука тотчас уведомили, что делается в моем доме. Не дремлют приятели! Теперь, патер Заленский, нельзя нам полагать, что ночное посещение Огневика есть случайное. Палей имеет своих лазутчиков в собственном доме моем, ибо кто бы мог известить Иванчука о происшедшем здесь при запертых дверях? Но сам Бог хранит меня, и он же поможет мне открыть измену и наказать изменников. Теперь ступайте почивать, друзья мои! Ты, патер Заленский, не поедешь сегодня. Ты должен знать последствие этого дела, ибо оно может быть связано с общою пользою... Понимаешь меня?.. Ну прощайте! Орлик! осторожность в доме!

Все вышли, и Мазепа остался один с татаринцом, который помог ему раздеться и лечь в постель.

Между тем обыск в доме, где проживали посланцы Палеевы, и погоня за одним из них не могли произойти втайне в небольшом и тихом городке. Несколько генеральных старшин из любопытства, другие из опасения, старались в ту же ночь разведать о случившемся, и некоторые из них собрались в доме Черниговского полковника, Павла Леонтьевича Полуботка, потолковать о сем происшествии. Сей заслуженный воин хотя не мог равняться с Мазепою ученостью, но был одарен от природы умом необыкновенным, укрепленным долговременною опытностью в делах, а проницательностью своею превосходил даже хитрого Мазепу. Полуботок пользовался неограниченною доверенностью всех благомыслящих старшин и любовью народною и потому был ненавистен Мазепе, который почитал Полуботка своим совместником и опасался его ума, веря, что разум только пригоден на козни, к гибели соперников.

Все желанья, все помышления Полуботка клонились к одной цели: к сохранению прав Малороссии, которые он почитал столь же священными, как самую веру, и пока он был убежден, что Мазепа намерен сохранять и защищать сии права, он был искренно предан гетману и даже способствовал его возвышению. Но уверившись в коварстве и в себялюбии Мазепы, Полуботок возненавидел хитрого честолюбца и хотя не выходил никогда из пределов повиновения, но с твердостью защищал права народные и безбоязненно говорил гетману правду. Зная, что Мазепа наблюдает за всеми речами и поступками его, Полуботок был осторожен, однако ж, по врожденной ему откровенности, не мог всегда скрывать ненависти своей к притеснителю Малороссии и иногда, хотя неясно, обнаруживал свой образ мыслей пред искренними друзьями. же было далеко за полночь, когда пришли к нему Стародубовский полковник Иван Ильич Скоропадский, Нежинский Лукьян Яковлевич Жураковский и Миргородский Даниил Апостол. Полуботок с нетерпением ожидал вестей и весьма обрадовался посещению своих товарищей.

– Скажите, братцы, что это за шум, что за скачка на улицах, в эту пору, в глухую ночь? – сказал Полуботок вошедшим полковникам.

– Сказывают, что посланцы Палеевы хотели убить гетмана, в его дворце, – отвечал Апостол. – Одного из них поймали, а другой ушел.

– Счастливый путь! – примолвил Полуботок, улыбаясь. Потом, помолчав несколько, сказал: – Знаете ли что, братцы? Я не верю всем этим рассказам! Не так глуп Палей, чтоб подсылать убийц в Батурин, в гетманские палаты, которые оберегаются с большим усердием, чем наши малороссийские права. Да если б он это и вздумал, то не послал бы на такое опасное дело первых своих любимцев, письменных своих есаулов. Он нашел бы в своей удалой вольнице довольно головорезов, которые бы давно уже сняли голову, как шапку, с нашего ясновельможного князя! Все это пустое! Гетман не страшен Палею так, как нам, грешным, и он в своей Белой Церкви едва ли не сильнее нашего пана гетмана, которого полки подмазывают колеса в царском обозе да гоняют стада за московским войском Старшины казацкие сильно негодовали на полководцев Петра Великого, которые употребляли более в дело регулярную конницу, а казакам поручали обозную службу... Я скорее бы поверил, если бы что-нибудь подобное случилось в Белой Церкви!..

– Воля твоя, Павел Леонтьевич! – возразил Скоропадский. – А уже здесь есть что-то недоброе. Я говорил со сторожевым сердюком, и он сказал мне, что есаула Огневика поймали в самом гетманском дворце и что он не хотел сдаваться живой...

– Так что же? убили его? – спросил Полуботок.

– Нет, сам гетман вышел и уговорил его сдаться... – отвечал Скоропадский.

– Сам гетман! Итак, он не так опасно болен, что не может встать с постели или в постели выслушать нас! – примолвил Полуботок. – Я не хочу судить о деле, которого не знаю в точности, но как гетман уже выходил из комнаты, то завтра же пойду к нему, чтоб он выслушал меня. Что за чудесного исцелителя привезли из Польши! – примолвил он насмешливо. – Сказывали, что гетман лежит почти без языка и без дыхания, а лишь появился польский лекарь, так ясновельможный наш пан в ту же ночь стал расхаживать и говорить, да еще так убедительно, что убийца отдался ему живой в руки!

– Недаром Польша так мила нашему гетману! Правда, что у гетмана не сходит с языка похвала Польше и всему польскому, а милости получает он втихомолку от русского царя, – сказал Жураковский. – Как Малороссия Малороссией, ни один гетман не был так награжден от царей, как нынешней: он и князь, и Андреевский кавалер, и действительный тайный советник, и вотчинник в Великой России... Уж не знаю, чего ему было желать!

– Ни нами сказано, – примолвил Полуботок, – что чем более дают, тем более хочется; а есть еще такие вещи, которых царь дать не может или не захочет. Ты помнишь, что сказывали Кочубей и Искра в своем доносе?

– Эй, побереги себя, Павел Леонтьевич! – сказал Скоропадский. – Уж ты был раз в тисках за твой язычок; смотри, чтоб в другой раз не попасть в гетманские клещи! Как нам сметь припоминать о доносе, за который враги пана гетмана положили головы на плаху!

– Я ведь не доношу на гетмана, а говорю о деле, всем известном и обнародованном! – возразил Полуботок.

– Нет, воля твоя, Павел Леонтьевич, а я никак не верю, чтоб гетман имел намерение отложиться от России и отдаться в подданство Польше, как доносили царю Искра и Кочубей, – сказал Жураковский. – Наш гетман человек умный и знает, что ему нельзя этого сделать без нас и без воли целого войска, а нет сомнения, что каждый из нас скорей полезет в петлю, чем покорится Польше! Дались нам знать, польские паны и ксензы, и об них такая же память в народе, как предания о чертях да о ведьмах.

– А я знаю, что есть люди в Украине, которые иначе думают, как мы с тобою, Лукьян Яковлевич! – возразил Полуботок. – И эти люди говорят: "Не будь Палея да Самуся за Днепром, так поляки давно бы расхаживали по Киеву и по Батурину!"

– Их и теперь довольно здесь, – примолвил Жураковский. – Почти вся дворня гетманская из поляков!..

– Теперь они служат здесь, а им хочется господствовать, – отвечал Полуботок. – Но полно об этом. Завтра, братцы, надобно всем нам идти поздравить гетмана с благополучным избавлением от измены и убийства, и я произнесу ему поздравительную речь!..

– Да полно тебе играть с огнем, Павел Леонтьевич! Обожжешься! – сказал Скоропадский.

– Я не шучу и божусь вам, что пойду завтра поздравлять гетмана, – примолвил Полуботок.

– Да ведь ты не веришь ни измене, ни покушению на убийство гетмана! – возразил Скоропадский.

– Верю или не верю – это мое дело, – отвечал Полуботок. – Но пока Полуботок полковник черниговский, а пан Мазепа гетман малороссийского и запорожского войска, до тех пор Полуботок должен наблюдать все обычаи, какие были при прежних гетманах.

– Ну так и нам идти с тобой же? – спросил Скоропадский.

– Без сомнения! Уж когда Полуботок кланяется гетману, так нам должно падать ниц пред ним, – примолвил Жураковский.

– Полуботок кланяется не гетману, а гетманской булаве, – возразил Полуботок. – Но пора почивать, братцы! Прощайте! Завтра, может быть узнаем более.

ГЛАВА III

*Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.*

Державин

На другой день Мазепа не принял старшин и назначил им свидание в воскресенье, чрез трое суток. Генеральные старшины и полковники собрались в сей день во дворце гетманском. Генеральный войсковой писарь, Орлик, как первый чиновник после гетмана, ввел их в приемную залу. Гетман был в зеленом бархатном кафтане русского покроя, с золотыми застежками и широкими золотыми петлицами. В таком кафтане автор видел современный портрет Мазепы, от верху до низу, подаренном ему царем Иоанном Алексеевичем, при милостивой грамоте, за верную службу. Старшины и полковники были в польском платье, в длинных шелковых кафтанах, называемых жупанами, сверх которых надеты были суконные кунтуши с прорезными рукавами. Все они подпоясаны были богатыми парчовыми кушаками, при саблях, в красных сапогах; головы у всех были обриты в кружок, а на верху оставлен был хохол, и все носили длинные усы, но брили бороды. Только один Мазепа и Войнаровский не подбрасывали волос на голове. Орлик провел войсковых старшин по парадной лестнице, на которой стояли сердюки, с ружьями на плечах. Они одеты были в синие кунтуши с красными воротниками и красными выпушками по швам, имели низкие шапки с черным бараньим околыш-ком и красным верхом; подпоясаны были красными шерстяными кушаками, имели сабли и черные ременные перевязи, на которых висели небольшие пороховницы с гербом Малороссии. Стены обширной залы обиты были красными кожаными обоями под лаком, с золотыми цветами, а на стенах висели портреты, писанные масляными красками, царей: Алексея Михайловича в старинном наряде; Петра Великого в мундире Преображенского полка; Феодора и Иоанна Алексеевичей в русском платье и гетмана Хмельницкого в польской одежде. На обоях приметны были четверугольные пятна, где висели портреты бывшей правительницы царевны Софьи Алексеевны и любимца ее, князя Голицына, которые прозорливый гетман велел снять со стены после заключения правительницы в монастырь и ссылки Голицына. Гетман сидел в конце залы в больших креслах, обитых бархатом, положив на подушки ноги, завернутые в шелковое одеяло на лисьем меху. Возле кресел гетмана стоял русский полковник Протасьев, в мундире Ингерманландского драгунского полка. Он находился при гетмане для наблюдения за порядком во время прохода великороссийских полков чрез Малороссию. Гетман знал, что он имеет тайные поручения от не благоприятствующего ему князя Меншикова и явного врага его, фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, и потому был осторожен с полковником и весьма ласкал его. Для него поставлен был стул, но он не садился, из уважения к гетманскому сану и к старшинам, которые должны были стоять в присутствии надменного повелителя Малороссии.

Генеральные старшины и полковники, вошед в залу, низко поклонились гетману и стали полукругом. Тогда Павел Леонтьевич Полуботок выступил на середину залы и, поклонившись еще раз гетману, произнес громким голосом:

— Ясновельможный гетман, наш милостивый предводитель! Вельможные генеральные старшины и полковники верного царского войска малороссийского поручили мне изъяснить пред вами общие наши чувствования. Распространился слух, что, за несколько дней пред сим, провидение избавило вас от убийцы. Благодаря бога за покровительство нашему пред-

водителю, мы поздравляем вашу ясневельможность и желаем вам здоровья и благоденствия на многие лета!

Сказав сие, Полуботок еще поклонился гетману и стал на свое место.

Гетман смотрел проницательно на Полуботока. Сухость речи его и холодная важность в голосе и во всех приемах обнаруживали, что поздравление излилось не из сердца. Лицо Мазепы, однако ж, казалось светлым, на устах была улыбка, но нижняя губа его двигалась судорожно, челюсть дрожала, глаза искрели и придавали физиономии вид злобный и вместе насмешливый. Мазепа поглядывал кругом так весело, как смотрит голодный волк в отверзшие овчарни, избирая верную добычу. Помолчав немного, он сказал:

— Благодарю вас, вельможные паны, за ваши желания и поздравления; надеюсь, что они искренни, по крайней мере у большей части панов генеральных старшин и полковников, то есть у тех, которые знают меня коротко и постигают мою любовь и усердие к общему благу. Всевышний, покровительствующий народ Малороссийский, избавивший его уже однажды от чужеземного ига, как израильтян из неволи египетской, правосудный Господь, видимо, хранит меня от убийц и злейших врагов, нежели убийцы — от предателей и клеветников. В искренности чувств моих, я верю, что Он хранит меня для утверждения благоденствия Малороссии, под мощным скиптром всемилостивейшего государя нашего и моего благодетеля, его царского величества, которого волею я живу, дышу, мышлю и движуся! Под покровом Провидения и под защитой всемилостивейшего моего государя и благодетеля не боюсь я ни измены, ни клеветы! Еще происшествие, о котором вы вспомнили, не совсем объяснилось, то есть еще не исследована вся гнусность измены и предательства, но злой умысел открыт и опасность, угрожавшая в моем лице всему войску, отвращена. Не помышляю я о себе, ни о брennem моем существовании, но молю Бога, да сохранит храброе царское войско малороссийское, нашего всемилостивейшего государя и моего благодетеля и верных моих сотрудников в тяжком и славном деле управления! — Мазепа, окончив речь, приветствовал собрание наклоном головы, и старшины снова поклонились гетману.

После некоторого молчания, Мазепа примолвил:

— Прошу извинить меня, слабого и недужного, что я задержал вас так долго в Батурине, вельможные паны! Я ожидал и ожидаю ежечасно повелений от его царского величества, нашего всемилостивейшего государя и моего благодетеля, и потому не мог исполнить желание ваше и распустить по домам ваши сотни, которые находятся на польской границе. Между тем прошу вас, вельможные паны, возвратиться теперь в свои полки и продолжать ревностно приготовления к походу. Быть может, скоро наступит пора, что всем нам, без исключения, старым и малым, придется взяться за оружие.

— Об этом именно мы и хотим переговорить лично с вами, ясневельможный гетман! — сказал Полуботок. — В прошлом году саранча опустошила Малороссию и скотский падеж довел до бедности даже зажиточных казаков. Все доходы, которые прежде поступали в полковые скарбы, ныне отсылаются в скарб войсковой, и мы, полковники, не имеем средств одеть и вооружить как следует полное число казаков и дать помощь неимущим. Мы просим вас всепокорнейше, ясневельможный гетман, исследовать сие дело и помочь нас высокою своею мудростью!

— Давно ли ты усомнился в своей собственной мудрости, пан полковник Черниговский, что вздумал прибегнуть к моей? — отвечал Мазепа насмешливо, обращаясь к Полуботку. — Разве ты не знаешь, что сделано и что делается на деньги, которые поступают в войсковой скарб? На счет каких доходов содержатся Компанейские полки, сердюки и артиллерия? На какие деньги строятся и украшаются храмы Божий? Из каких доходов воспитывается наше юношество в Киевской Академии? Не хочешь ли ты, чтобы я тебе отдал отчет в доходах и расходах войскового скарба? Послушай, пан полковник Черниговский! если мы станем рассчитывать, то едва ли не все вы останетесь внакладе! И в какое время ты заговорил

о деньгах, о помощи! – когда отечеству угрожает опасность; когда все подданные его царского величества, всемиловейшего государя нашего и моего благодетеля, должны жертвовать жизнью и последним имуществом для низвержения врага, осмеливающегося называться непобедимым!

– Извольте послушать, господин полковник! – примолвил Мазепа, обращаясь к Протасьеву. – Вот какое усердие нахожу я в некоторых из моих подчиненных! Слава Богу, что их не много и что я их знаю! Прошу вас, господа, ехать домой и приготовляться к походу; а если которому полковнику неостанет средств к поданию помощи неимущим казакам, то я сам помогу им, из доходов от ранговых. Каждый полковник и генеральный войсковой старшина имел по чину своему деревню, которою владел до тех пор, пока был на месте. Сии имения от слова ранг, чин назывались ранговыми, полковничьих маестностей.

– Осмеливаюсь доложить вам, ясновельможный гетман! – сказал Полуботок. – Что я не отказывался от пособия неимущим казакам ни из ранговых маестностей, ни из собственного моего имущества; но, на основании дарованных нам прав, изложил пред вами, как пред начальником, состояние наших полков, не зная намерений и средств других полковников к поданию помощи разоренным казакам. В старину помощь сию давал войсковой скарб по представлению полковников, которые, на основании дарованных прав...

Гетман прервал слова Полуботка и сказал:

– В старину все козни делались именем дарованных прав, о которых ты беспрестанно толкуешь, пан полковник Полуботок. Но я знаю права не хуже тебя, и я один хранитель и исполнитель сих прав, всемиловейше подтвержденных его царским величеством! Правда, что я иногда отступаю от сих прав, но только к собственному вреду моему, а не ко вреду войска. Нарушением сих прав я даровал свободу тебе и твоему отцу и возвратил вам имущество, полковник Полуботок, после ложного и злобного на меня доноса, составленного изменником Забелою с его клеветами. Но память твоя так загромождена правами, что ты забыл это, полковник Полуботок, и, верно, хочешь, чтоб я припомнил тебе возобновлением прошедшего!.. Прощайте, вельможные паны! С Богом, по домам – и за дело! Ты, Чечел, останься!

– Я был и есмь не виновен!.. – примолвил Полуботок; но гетман не хотел более слушать его и снова, прервав речь его, повторил:

– Прощайте, вельможные паны, до свидания!

Генеральные старшины и полковники вышли из залы, поклонясь гетману. Остался Орлик, Войнаровский, Чечел и царский полковник Протасьев:

– Вы видите, какой крамольный дух обнаруживают мои полковники, – сказал Мазепа Протасьеву, – я ежедневно опасаясь здесь восстания и измены; а между тем его царское величество, всемиловейший государь наш и мой благодетель, по внушениям непрязненных мне вельмож, которых я не хочу называть, беспрестанно понуждает меня высылать по несколько тысяч казаков к царскому войску! Для пользы службы царской и для защиты священной особы его величества, я готов отдать жизнь мою, и если б здоровье мое позволило, сам сел бы на коня и сражался в рядах, как простой казак, когда б это было нужно и угодно его царскому величеству. Но теперь, когда носятся слухи, что неприятель намерен вторгнуться в Россию, когда в Польше приверженцы Станислава Лещинского и враги его царского величества вооружаются на наших границах, возмущают Запорожье и заводят связи на Дону и у нас; когда измена уже открывается в самой Украине, – я должен иметь при себе все полки мои. Со времени рождения мысли об измене, Мазепа употреблял все усилия, чтобы сохранить при себе полки свои, и беспрестанно сказывался больным, чтоб избежать похода, чтоб противустоять внешним и внутренним злодеям его царского величества. Полковники мои нарочно высылают лучших и вернейших людей к войску царскому и оставляют в полках самых бедных и самых своевольных казаков, которых легко совратить с истинного

пути и вовлечь в измену. В таком положении нахожусь я, верный слуга царский, и мысль, что я, при желании пользы, могу быть неугоден его величеству, моему благодетелю, увеличивает болезнь мою, убивает меня!..

Мазепа замолчал и закрыл лицо руками, опустив голову на грудь.

— Вам известно, князь! — отвечал полковник Протасьев. — Что я прислан сюда по царскому повелению, единственно для наблюдения за порядком во время прохода великороссийских полков чрез войсковые малороссийские земли и для защиты здешних жителей от обид и притеснений. Я не имею права вмешиваться ни в какие дела, не касающиеся до моего поручения, и не смею судить о положении сего края. Только из преданности к вашей особе, как честный человек, я расспрашивал господина генерального писаря о происшествии, случившемся в вашем доме, которое наделало много шуму в Батурине и, вероятно, дойдет до царя... По службе моей, я даже не смею и об этом спрашивать!..

Мазепа значительно посмотрел на Орлика и на Войнаровского и отвечал Протасьеву голосом простодушия:

— Я знаю ваше поручение и если открыл пред вами душу мою, то не как пред царским чиновником, но как пред любезным мне человеком, которого я уважаю и почитаю моим искренним приятелем. Открылся я вам по врожденной мне откровенности и простодушию! Что же касается до последнего происшествия, так вот в чем все дело. Палей подкуплен поляками и шведами. Зная мою непоколебимую верность к его царскому величеству, он вознамерился спровадить меня на тот свет изменнически, будучи не в силах погубить клеветой, чрез своих единомышленников в моем войске. Посланный Палеем убийца во всем признался и покаялся — а я, гнушаясь мстью и следуя внушению сердца, дал ему свободу. Об этом я буду писать к его царскому величеству, лишь только силы позволят мне взяться за перо. Враги мои, вероятно, составят из этого какую-нибудь сказку, к моему же вреду! Бог с ними! Я помышляю не о себе, а о пользе службы его царского величества и о благосостоянии вверенного мне войска. Все прочее предоставляю воле Божией и царской. Но полно о делах! У меня есть до вас просьба. Вы отличный ездок и знаток в лошадях. Сделайте мне одолжение и возьмите себе моего гнедого турецкого жеребца. Я знаю, что он вам нравится, а мне он вовсе не нужен и только напрасно занимает место в конюшне. Мне, дряхлому старцу, уж нельзя ездить на таких конях! Мое время прошло. Вам же этот конь будет пригоден!

Полковник Протасьев смешался. Ему хотелось иметь эту лошадь, но он не смел принять ее в подарок, опасаясь толков и доноса от врагов гетмана при дворе царском.

— Покорно благодарю вас, князь! — сказал он прерывающимся голосом, потупя глаза. — Чувствую в полной мере ваше великодушие, но не могу принять такого дорогого подарка... Всем известно, что вы заплатили за этого жеребца триста червонцев... Это слишком много для приятельского подарка!

Мазепа прервал слова его:

— Полно-те, полно, полковник! Кто вам может запретить принять подарок от приятеля? Ведь вы находитесь здесь без всякого особенного поручения в отношении к моей особе, следовательно, мы можем обходиться между собою как друзья, как независимые друг от друга люди. Лошадь ваша — и ни слова об этом! Она уже в вашей конюшне, и я уверен, что вы не захотите обидеть меня отказом. Уверяю вас, что вы мне оказываете услугу, принимая этот маловажный подарок, потому что мне весьма хочется, чтоб эта лошадь была в хороших руках, у знатока и охотника, когда не может служить мне самому. Прощайте, дорогой приятель! Я чувствую начало моего подагрического припадка. Орлик! Войнаровский! проводите меня в мою спальню! Чечел! подожди в канцелярии моих приказаний! — Не дав полковнику Протасьеву объясниться, Мазепа сделал ему приветствие рукою, встал с кресел и, опираясь на плечи Орлика и Войнаровского, вышел из залы. Протасьев поклонился гетману и вслед ему повторил благодарение за подарок, который был весьма приятен ему, как страстному

охотнику до лошадей. Вышед из залы вместе с Чечелом и проходя чрез комнаты, Протасьев слушал терпеливо преувеличенные похвалы гетману, которого превозносил до небес Чечел, преданный ему искренно. Стража, расставленная на лестнице, расположилась в своем обычном месте, в обширных сенях нижнего яруса, у входа в гетманский дворец и в ближней комнате. Во дворце водворилась прежняя тишина.

Когда Мазепа уселся в своих креслах, он посмотрел весело на своих приверженцев и громко захохотал.

– Хитер москаль, – сказал он, – но и малороссиянин не бит в темя! Протасьев думает, будто мы люди простенькие и не знаем, что он шпион Меншикова и Шереметева, приставленный ко мне, чтобы наблюдать за всеми моими речами и поступками! Меншикову хочется быть гетманом, и он свернул бы шею родному отцу, чтоб сесть на его место. Шереметев поклялся погубить меня за то, что я избавил Малороссию от неспособного и слабодушного гетмана Самойловича, его тестя. Но у меня есть приятели при царском дворе, и чрез них я знаю вперед все замыслы моих врагов. Трудно им провести меня при всем моем простодушии! Но признаюсь вам откровенно, верные друзья мои, что это положение между жизнью и смертью, между милостию сильных и погибелью наконец мне наскучило. Мореходец и воин имеют время отдыха и безопасности; я же должен бодрствовать непрерывно, целую жизнь, и днем и ночью, чтоб отклонять козни врагов моих и блюсти милость царя, который одним грозным словом своим может лишить меня, как моего предместника, Самойловича, жизни, чести и имущества! Это грозное слово висит над головою моею, как меч Дамоклеса, на одном волоске, и я должен наконец разорвать этот волосок и обрушить меч – на главу врагов моих и завистников! Сердце разрывается у меня на части, когда я подумаю об вас, друзья мои! Какая участь постигнет тебя, верный мой Орлик, когда врагам моим удастся свергнуть меня с гетманства и разделить Малороссию между русскими вельможами, под управлением великороссийских воевод?

– Я не доживу до этого! – воскликнул Орлик с жаром. – И скорее погибну, нежели дождусь уничтожения нашего войска, вашего несчастья...

– Конечно, лучше, во сто крат лучше погибнуть, чем пережить позор! – отвечал Мазепа. – Но пока мы живы и целы, нам должно помышлять об отвращении угрожающей нам опасности. В голове моей созрела мысль, которая если исполнится, то может избавить нас навсегда от опасностей и страха. Мы потолкуем с тобой об этом на досуге, верный мой Орлик, избранное чадо моего сердца, сладкий плод моей головы! Тебя я воспитал и возвысил для подпоры моей старости и для блага моего отечества и тебе поручу судьбу моего рода и моего отечества! Обнимитесь при мне, дети мои!..

Войнаровский и Орлик бросились в объятия друг другу и потом начали целовать руки гетмана. Они были растроганы и не могли ничего говорить. Слезы навернулись у Войнаровского. Мазепа закрыл платком глаза.

– Жить и умереть для тебя – вот мой обет! – воскликнул Орлик. – Скажи одно слово – и эта сабля сразит твоего врага, хотя бы он стоял на ступеньках царского престола! С радостью пойду на смерть и мучения, чтоб только доставить спокойствие тебе, моему отцу и благодетелю!

– Поди ближе к сердцу моему, обними меня, мой верный Орлик! – сказал Мазепа. – Я всегда был уверен в тебе и сегодня же дам тебе самое убедительное доказательство моей беспредельной к тебе доверенности. Сегодня ты узнаешь тайну, от которой зависит более нежели жизнь моя!

Разговор пресекся на некоторое время. Мазепа радовался внутренне, что нашел в Орлике готовность содействовать замышленной им измене, но не хотел открываться при Войнаровском, намереваясь воспламенить еще более своего любимца надеждою на наслед-

ство. Он хотел уже выслать его, под предлогом своей болезни, но Орлик прервал молчание и сказал:

– Простите моему усердию, ясновельможный гетман, если я осмеливаюсь сделать некоторое замечание насчет вашего ответа Протасьеву о нашем пленнике. Вы изволили сказать, что он отпущен и сознался в том, что подослан Палеем умертвить вас, а между тем Огневик находится в темнице и еще не допрошен. Я боюсь, что если Протасьев проведаст об этом, то может повредить вам, ясновельможный гетман!

– Не опасайся, я все обдумал, – отвечал Мазепа. – Конечно, я сам той веры, что тайна тогда может называться тайною, когда известна только двум человекам. Но в этом случае некому изменить нам. На моего татарина и на верных казаков моих, Кондаченка и Биевского, которых мы употребим при допросе Огневика, мы можем смело положиться, а иезуит Заленский сам имеет надобность в сохранении тайны. Чем бы ни кончился допрос, сознанием или отрицательством, Огневик, по твоему же рассуждению, Орлик, не должен более видеть свету Божьего; итак, допросив его, мы освободим душу его от земных уз, а после этого сказанное мною Протасьеву об его освобождении будет совершенная правда! Прикажи Чечелу, чтоб он послал разъезды по всем дорогам. Чего ждать доброго от бешеного Палея! Пожалуй, он готов напасть на меня открытою силой. Да скажи Кенигсеку, чтоб он выкатил все пушки на валы и содержал вокруг крепости строгие караулы. Но, пожалуйста, растолкуй Чечелу и Кенигсеку, чтоб они все это делали, как будто для приучения людей к полевой и крепостной службе, не подавая виду, что это делается из опасения и предосторожности. Народ никогда не должен знать, что правитель его опасается чего-нибудь. Ступайте с Богом!

Войнаровский и Орлик вышли, и Мазепа занялся чтением писем, полученных им из России и из Польши.

Прошло две недели, и Огневик томился в цепях, во мраке, поддерживая угасающую жизнь черствым хлебом и полусгнившею водою. Он никого не видал в это время, кроме своего стража, который дважды в сутки отпирал его темницу и подходил к нему с лампадою в руках, чтоб удостовериться, жив ли он. Мазепа медлил приступить к допросу и пытке несчастного, хотя участь его уже была им решена. В первый раз в жизни свирепый и мстительный Мазепа чувствовал жалость к чужому человеку и не постигал, каким образом чувство сие могло вкратиться в душу его и что удерживало его от истязания явного врага. Гетман только один раз в жизни видел Огневика, но образ его беспрестанно представлялся его воображению и тревожил его сердце. Мазепа, во время мучившей его бессонницы, припоминал себе гордый вид и мужественную осанку Огневика, противоборствующего толпе яростных сердюков, и его открытый, ясный взор, когда, надеясь на слово гетмана, он покорился его воле. Даже звук голоса Огневика имел необыкновенную приятность для Мазепы. "Если б этот человек захотел передаться мне, – думал Мазепа, – я осыпал бы его золотом. Чувствую в нем присутствие великой души, способной на все отважное, отчаянное, а таких-то людей мне теперь и надобно. Иезуит говорит, что обширность ума его равна твердости его характера. Какой бы это был клад для меня! Проклятый Палей! Нет, ты не будешь пользоваться им! Он умрет! Он должен умереть! Но мне жаль его. Сокол не терзает сокола, и львы вместе ходят на добычу. Этот Огневик создан по размеру Мазепы, и оттого-то сердце мое сожалеет его. Но дело решено! Я должен переломить лучшее орудие Палеево. Смерть Огневику, а перед смертью – пытка!"

Накануне дня, назначенного к пытке, Мазепа был угрюм и скучен. Для рассеяния себя он послал вечером за женщиной, которая некогда пользовалась его любовью и даже после прохлаждения любви умела сохранить его благосклонность. Пример единственный, ибо Мазепа обходился с людьми, как своенравное дитя обходится с игрушками: бросал их или уничтожал, когда они ему были не нужны или немилы.

Только двух страстей не могла обуздать сильная душа Мазепы: властолюбие и женолюбие. Они, от юности до старости его, управляли им самовластно и подчиняли себе и глубокий ум его и коварное сердце. Для достижения цели, предначертанной властолюбием, и для приобретения любви женщины Мазепа жертвовал всем – жизнью, честью, дружбою, благодарностью и сокровищами, собираемыми с усилием, всеми непозволенными средствами. Но властолюбие и женолюбие в душе Мазепы лишены были тех свойств, которые облагораживают человека, даже в самых заблуждениях страстей. Мазепа искал власти и дорожил ею, как разбойник ищет смертоносного оружия и бережет его, чтоб иметь поверхность над безоружным странником, и любил женский пол, как тигр любит кровь, составляющую лакомую его пищу. Все ощущения души Мазепы основаны были на себялюбии, и потому-то, не обуздываемый ни верою, ни добродетелью, он успевал во всех своих желаниях, при помощи хитрого своего ума и золота. В сорокалетнем возрасте он возвысился на первую степень могущества в своем отечестве и пользовался любовью красавиц, даже будучи в тех летах, когда мужчина не может вселять других чувств, кроме дружбы и уважения. Последняя любовная связь его с дочерью генерального писаря Кочубея и ужасные ее последствия, навлекшие гибель на целый род сего малороссийского чиновника, возбудили негодование во всех благомыслящих людях и ужаснули людей простодушных. В народе носились слухи, что гетман водится с колдуньями и волшебниками и носит при себе талисманы, имеющие силу очаровывать женщин. Легковерные родители и мужья трепетали за дочерей и за жен своих, боясь волшебства; благоразумные страшились ухищрений сладострастного гетмана. Но люди бессовестные и развратницы пользовались сею слабостью своего повелителя и ценою чести приобретали богатство и почести для себя и для своих родных. Мазепа был непостоянен в любви, и потому все удивлялись, что одна женщина имела к нему доступ и пользовалась его милостью в течение многих лет, невзирая на другие любовные связи гетмана.

Сию любимицу свою Мазепа вывез из Польши во время первого похода и вскоре после того выдал замуж за старого урядника из своих телохранителей, Петрушку Ломтика, которому он велел называться Ломтиковским и произвел его в сотники. Марья Ивановна Ломтиковская обходилась с мужем своим, как со слугою, и только при гостях позволяла ему садиться с собой за стол. Старый казак вовсе не обижался этим и был доволен своею участью, живя в достатке, в особом отделении дома. Ломтиковская хотя уже имела лет под тридцать, но сохранила всю красоту и всю свежесть юности. Она одевалась богато и любила наряжаться в польское платье, чтоб показывать свои прекрасные, черные, как смоль, волосы, которые замужние малороссийские женщины, по обычаю своему, должны были скрывать под головными уборами, или намешкою. Черты лица ее были правильные. Орлиный нос, небольшие розовые уста, оживленные нежною улыбкою, белые как снег зубы, густой румянец и пламенные черные глаза, окруженные длинными ресницами, составляли вместе самую приятную физиономию. Ломтиковская имела ум хитрый, проницательный, но игривый, и притом веселый нрав. Мазепа любил ее беседу, которая разгоняла его мрачные думы и доставляла рассеяние при важных занятиях. Но привыкнув пользоваться всем для выгод своих, он употреблял ее для шпионства и отпускал ей значительные суммы денег для подкупа слуг войсковых старшин и для заведения приятельских связей с женами нижних чиновников, имеющими доступ к семействам малороссийских вельмож. Гетман верил ей более, нежели другим своим лазутчикам, думая, что собственная польза должна внушать ей к нему верность. Знатные малороссийские женщины не допускали ее в свое общество, но многие из войсковых старшин, в угодность Мазепе, навещали ее и старались снискать ее благоволение лестью и подарками, употребляя ее иногда, как орудие, для оклеветания врагов своих перед гетманом. Никто не знал ни родственников Ломтиковской, ни настоящего ее происхождения, ни отечества. Она исполняла все наружные обряды греко-российской церкви и ежегодно ездила в Киев говеть и поклоняться мощам святых угодников. Но люди простодушные и лег-

коверные, особенно женщины, основываясь на народных толках, были убеждены, что Ломтиковская занимается волшебством; что она только для обмана христиан исполняет закон, по наружности, и что она ездит в Киев не для богомолья, но для совещания с ведьмами, на Лысой горе.

Ломтиковская за несколько дней перед сим возвратилась из Киева. Она узнала, чрез своих лазутчиков, что в Батурин приехала из Варшавы девица, в сопровождении одной пожилой женщины и управителя гетманского, поляка Быстрицкого. Гетман скрывал ее две недели в замке своем, Бахмаче, под Батурином, и перевез в город во время своей болезни. Ломтиковская, при всем усилии своем, не могла проведать, кто такова новоприбывшая красавица, с которою гетман обходится весьма важно, но почтительно и никогда не оставался с нею без свидетелей. Кроме Орлика и двух племянников гетмана, Войнаровского и Трощинского, никто даже не видал ее, и Ломтиковская могла только узнать от слуг, что прибывшая девица необыкновенная красавица и имеет не более осьмнадцати лет от рождения, говорит по-польски и по-малороссийски, исповедует греческую веру и нрава печального, любит уединение и часто плачет. Не ревность, сия мучительная спутница истинной любви, терзала сердце Ломтиковской, но зависть, свойственное женщинам любопытство и наконец страх лишиться милостей и доверенности гетмана тревожили душу ее. Она боялась влияния польки на ум старца, зная ловкость польских женщин и их искусство к овладению сердцем мужчины. Истошив бесполезно все средства проницательного своего ума к узнанию, кто такова гостя гетмана, Ломтиковская наконец решилась попытаться разведать о ней у самого гетмана, при первом удобном случае. Она знала, что гетман не любит расспросов, и предвидела всю трудность и всю опасность своего предприятия. Тысячи планов вертелись в голове ее, а когда ее позвали к гетману, она еще не избрала ни одного из них.

Немой татарин провел ее чрез задние двери в коридор, ведущий во внутренние комнаты гетмана. Было около десяти часов вечера. Гетман лежал на софе, в своем кабинете, и курил трубку из длинного, драгоценного чубука. На маленьком столике стояли две свечки, несколько скляночек с лекарствами и серебряный поднос с сухими вареньями. Татарин придвинул стул и удалился.

– Здравствуй, Мария! Садись-ка да расскажи мне, что слышно нового в Киеве, – сказал гетман, не переменяя положения.

– Вы бы не узнали Киева, пан гетман! – отвечала Ломтиковская. – Печерская крепость, которую заложил сам царь, выросла как на дрожжах. А пушек-то сколько, а народу сколько! Царского войска множество, и конного и пешего, да какие все молодцы! Как обрили бороды москалям, да как одели их в цветные короткополые кафтаны, так любо смотреть! Народ бодрый, красивый, веселый, и как станут в строй, так не хуже наших польских и саксонских солдат. Все говорят, что теперь будет худо шведу, если он вздумает вызывать царя на бой...

– Так говорят все дураки, а верят им бабы да храбрецы, которые помогают бабам прясть, сидя за печью, – возразил Мазепа с досадою. – Пускай бы противу меня выставили трех таких фельдмаршалов, как Шереметев да Меншиков, хоть бы с двумястами тысяч этих безбородых короткокафтанников... С одним моим казацким войском я бы припомнил им Нарву!.. Пошли бы снова наутек...

– Да в том-то и сила, что у шведа нет такого гетмана, как у царя московского! – сказала Ломтиковская. – Ведь пан гетман один на свете, как солнце!..

– А почем знать, может быть, у шведского короля и есть свой Мазепа, – примолвил гетман с улыбкою. – Дело еще впереди, и песенку еще не разыграли, а только гусли настроили. Сила русская в Киеве, а как швед возьмет Москву, так и Киев ему поклонится!..

– Шведы возьмут Москву! – воскликнула Мария Ивановна. – Да об этом никто и не думает в Киеве!

– Потому, что там ни об чем не думают, а просто двигаются как волы в плуге, под плетью! Чай, воевода киевский, князь Голицын, куда как храбрится! – примолвил насмешливо Мазепа.

– Правда, что он не дремлет. С утра до ночи он на коне, то перед войском, то на крепостных работах; за всем сим смотрит, всем сам занимается и, как говорят, стал даже вмешиваться и в наши войсковые малороссийские дела и знает все, что у нас делается.

– Ого, какой любопытный! А ты знаешь польскую пословицу: что любопытство первая ступень в ад! Если мой приятель Шереметев приказал ему разведывать, что здесь делается, то я боюсь, чтоб он не выдрал ему после усов, когда выйдет на поверку, что сосед мой, киевский воевода, ничего не знал, ни про что не ведал! Не спозналась ли ты с ним, Мария, и не приманил ли он тебя московскими соболями, чтоб ты шепнула ему иногда, что здесь делается?

– Как вам не стыдно обижать меня, пан гетман! – сказала Ломтиковская с недовольным видом. – Мне и без московских соболей не холодно, по вашей милости, а если б я была уверена, что могу избавить вас от всех ваших врагов и завистников, то с радостью бросилась бы в прорубь, в крещенские морозы!

– Я шучу, Мария! Я знаю, что ты не изменишь мне, если б даже был случай к измене. Но как я веду все дела начисто, служу царю верно и усердно, то не боюсь ни разведов, ни измены, ни козней врагов моих. Ты знаешь, что я человек простодушный, откровенный, и если благоразумие велит мне соблюдать некоторые предосторожности, то это единственно для сбережения друзей моих, которых участь сопряжена с моею безопасностью. – Мазепа, сказав это, посмотрел пристально на Ломтиковскую, чтоб увидеть, какое действие произвела в ней его ложь. Ломтиковская казалась растроганною, закрыла глаза платком и сказала со вздохом:

– За то и верные слуги ваши готовы за вас в огонь и в воду!

– Ну, а что ж толкуют обо мне в Киеве? – спросил Мазепа с притворным равнодушием.

– Ведь там языки не на привязи, там толков не оберешься, – отвечала Ломтиковская, – я жила в доме Войта Ковнацкого, к которому собираются русские офицеры, полковники и даже адъютанты Голицына и англичанина Гордона. Наслышалась я всякой всячины!

– Да что б такое говорят?

– На что повторять пред вами пустяки! Пользы от этого не будет, а вам будет неприятно...

– Но я непременно знать хочу, что такое ты слыхала про меня! Говори, Мария; я не люблю этого жеманства!

– Я, право, боюсь... Вы нездоровы, можете прогневаться, и это повредит вам!

– Давно бы мне пришлось лечь в могилу, если б злые толки причиняли мне болезнь! Говори смело! Ты знаешь, что я привык к дурным вестям.

– Говорят, будто друг короля шведского, новый король польский, Станислав Лещинский, старается преклонить вас на свою сторону и заставить вас отложиться, с войском, от России...

– Так это новость в Киеве! – возразил Мазепа с улыбкою. – Об этом я сам уведомил царя!

– Сказывают, будто Станислав Лещинский прислал вам богатые подарки...

– Какой вздор! Казна короля Станислава столь же пуста, как голова тех бездельников, которые выдумывают на меня такие вещи. Если б король Станислав был в состоянии дарить, то он послал бы подарки не мне, а царским вельможам, например Меншикову, Шереметеву! Ведь московские паны куда как падки на подарки! А мне что он может подарить? Я едва ли не богаче короля Станислава!

– Говорят, – примолвила Ломтиковская, понизив голос, – что король Станислав прислал к вам с подарками... красавицу... польку... которую смолода обучали, как вести дела политические... – Ломтиковская, закрывая лицо платком, посмотрела исподлобья на Мазепу. Он быстро поднялся, присел на подушках и, устремив пламенный взор на Ломтиковскую, сказал:

– Как! в Киеве знают о прибытии сюда женщины из Польши! Мария! говори правду... не твоя ли это выдумка?

– Клянусь вам, пан гетман, всем, что есть святого, что я слыхала об этом в Киеве! – возразила она дрожащим голосом. – Даже адъютанты князя Голицына говорили об этом... Но я чувствовала, что мне надобно было молчать!..

– Хорошо! я напишу к Голицыну... Я скажу ему, кто такая эта девица... Пусть он узнает... Пусть узнает сам царь!.. – сказал Мазепа прерывающим от гнева голосом. – Я окружен здесь изменниками, лазутчиками... Но на этот раз они жестоко обманутся... Я их открою!.. О, я открою их... – Мазепа замолчал, снова прилег на подушки и чрез несколько времени, пришед в себя и как бы устыдясь своего гнева, сказал хладнокровно: – Все это пустое! На меня выдумывали не такие вещи и ни в чем не успели. А какая кому нужна до моей домашней жизни? Пусть себе толкуют, что хотят! Поврут, да и перестанут!

Но хитрая Ломтиковская видела ясно, что равнодушие Мазепы было притворное и что эта весть сильно поразила его и даже заставила, противу обыкновения, разгорячиться. Она решилась продолжать разговор и, приняв также хладнокровный вид, сказала:

– Не равны толки толкам. Один духовный сказывал мне в Киеве, что хотя царь и много уважает вас, но не перенесет равнодушно известия, что у вас находится женщина, подосланная врагами его из Польши. Я боюсь за вас, пан гетман!

– Да какой черт вбил тебе в голову эту мысль, что она подослана ко мне! Эта девица – моя собственность и была моею прежде, нежели королю Станиславу снилось о короне польской! Перестань молоть вздор, Мария!

– Да ведь это говорю не я, пан гетман! Я только пересказываю вам, что говорят в Киеве – и даже здесь... Мне кажется, что, вместо того чтобы объявлять Голицыну или царю, кто такова эта девица, лучше б было, если б вы, пан гетман, сказали об этом верным своим друзьям и слугам – тогда они могли бы опровергнуть ложь и клевету...

– Целая Малороссия, целая Украина, весь мир узнает, кто такова моя гостья... Да, да, Мария, целая Малороссия и Украина преклонят пред ней колени... Слышишь ли, Мария! Но теперь не время... Чрез полгода, чрез год... а не теперь!..

– Я первая упаду ниц перед ней и готова поклоняться ей как божеству! Все друзья ваши, все верные ваши слуги давно уже молят Бога, чтоб вы избрали себе жену по сердцу, чтоб оставили наследника великого имени!.. Благодарю тебя, Боже, что наконец желание мое сбылось!.. – Коварная женщина подняла руки и взоры к небу и притворилась восторженною от радости.

Мазепа пожал плечами, покачал головою и сморщился от досады.

– Побереги свою радость и молитвы на другое время, Мария! – сказал он с язвительной усмешкой. – Скорее я обвенчаюсь с луною, чем с этою девичествою! Но более ни слова об этом! Ни одного слова!.. Я приму меры, чтоб потушить клевету в самом ее начале. Спасибо за известие, хотя оно не стоит сломанного ешелега. Да скажи-ка мне, не слыхала ли ты чего здесь или в дороге о пойманном в доме моем убийце, подосланном Палеем?

– Я узнала об этом здесь и слыхала, что многие полковники никак не верят тому, что посланец Палеев хотел убить вас. Они думают, что все это выдуманно для того только, чтоб погубить Палея в мнении царя. Могу поручиться вам, что Палей имеет весьма много друзей в войске русском и здесь и что он найдет между старшинами и между простыми казаками много таких, которые поверят ему более, нежели вам. В целой Малороссии и Украине Палея

чтут и уважают, как другого Хмельницкого, как народного витязя... И я не раз слыхала, что если б пришлось избрать гетмана вольными голосами, то Палей, верно, был бы гетманом!

– Ну вот потому-то Палей и хочет известить меня, а они для того хотят Палея, чтоб своевольничать безнаказанно! И вот меня же обвиняют! Да что смотреть на вражеские речи! Им я ничем не угрожу... Нас с Палеем рассудит – смерть или... Но я чувствую себя нездоровым; прощай, Мария! Мы потолкуем с тобою в другое время, а между тем ты прилежно наблюдай за всеми моими недоброжелателями и старайся открыть, кто из них переписывается с русскими чиновниками. Полковника Протасьева ты опутай кругом паутиной, чтоб муха не добралась к нему без твоего ведома. Я велю Быстрицкому выдать тебе нужные деньги... Прощай, Мария! – гетман захлопал в ладоши и дал знак вошедшему татарину, чтоб он проводил Ломтиковскую. Она вышла в крайней досаде, что не могла ничего узнать о таинственной гостье.

ГЛАВА IV

*...А ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь!
Она в твоих когтях...*

А. Пушкин

По наступлении вечера Мазепа с нетерпением ожидал в своем кабинете возвращения иезуита, патера Заленского, которого он послал в темницу к Огневику, чтоб уговорить его к открытию замыслов Палея и к признанию в покушении на жизнь гетмана.

С печальным лицом вошел иезуит в комнату и, сложа руки на груди, не говорил ни слова.

– Ну что ж, признался ли он? – спросил Мазепа, едва переводя дух.

– Он стоит все на одном, что не покушался на жизнь вашу и ничего не знает о намерениях Палея, кроме того, что объявил вам, ясновельможный гетман!

– Итак, он упорствует... Нечего делать! – сказал Мазепа и, помолчав, примолвил с жаром: – Или я извлеку тайну из души его, или извлеку из него душу!

– Признаюсь вам откровенно, – возразил иезуит, – что мне весьма тяжело было видеть его в таком несчастном положении. Он был моим учеником, и я невольно чувствую к нему некоторую привязанность, а зная нрав его, не думаю, чтоб он был в состоянии лгать и записываться. Странанья его трогают меня, и если он должен умереть...

– Он должен умереть! – воскликнул Мазепа. – Этого потребует безопасность моя и успех нашего великого предприятия. Мне самому жаль его, патер Заленский! Но... что значит жизнь одного незначительного человека, когда идет дело об участии целых государств, о безопасности правителя народа? Я вижу, что ты грустен, старый друг мой! Садись-ка, патер, да потолкуем!..

Иезуит сел в безмолвии, потупя глаза. Мазепа повертывался беспокойно в своих креслах и, погладив себя по голове, обтер пот с лица и, устремив взор на иезуита, сказал:

– Что такое жизнь, патер Заленский? Мы с тобой дожили до седых волос, прочли множество философских бредней, а знаем об ней столько же, сколько знает грудной младенец. Жизнь есть не сон, не мечта, а какая-то странная сущность, которой все зло в настоящем, а вся прелесть в прошедшем и в будущем, в воспоминаниях и в надеждах. Жизнь была бы даже тогда благо, когда б человек мог, по крайней мере, сохранить по смерти память о своем земном странствии. Но как с жизнью кончатся и земные радости, и земные страдания, и воспоминания и надежды, то и жизнь и смерть есть ничто. Они важны тогда только, когда служат к пользе многих. Судя таким образом, жизнь, право, небольшая потеря для Огневика, а если он мил тебе, то верь мне, что в воспоминании, то есть после своей смерти, он более выиграет, ибо будет тебе милее. Впрочем, если б жизнь его была для нас безвредною, мы оставили бы его в покое; но жизнь его есть искра, которую рука врага нашего, Палея, может произвести гибельный для нас пожар. Итак, мы должны погасить эту искру! Мы, предпринимая теперь новое устройство целых царств, так же мало должны заботиться о жизни одного человека, как зодчий, сооружающий новое здание, мало помышляет о потере одного камня.

– Но этот камень мог бы служить украшением целого здания, если б попал в руки искусного ваятеля, – возразил иезуит. – Я думаю, что нам было бы весьма полезно склонить Огневика на нашу сторону каким бы ни было средством!

– Я уже истощил все средства и не знаю, чем смягчить его!

– Великодушием, – примолвил иезуит. – Насильственные средства не действуют на благородное сердце: оно, как нежное дерево, гибнет бесполезно в насильственном жаре и только влиянием благотворной теплоты солнца производит сладкие плоды.

– Солнце действует, патер Заленский, только на те растения, которые ищут лучей его. Впрочем, шаг сделан, воротиться нельзя!.. – Мазепа, сказав это, отворотился и задумался. Иезуит молчал.

Вдруг вошел Орлик в комнату.

– Все готово! – сказал он.

– Иду! – отвечал Мазепа. – Увольняю тебя от присутствия при допросе, патер Заленский.

Иезуит, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

– Я не верю этой змее, – сказал Мазепа, указав на дверь, в которую вышел иезуит. – Партия Станислава Лещинского ищет повсюду друзей и помощников, и быть может, что в то самое время, как этот иезуит лижется ко мне, сообщники его льстят Палею и обещают ему мою голову в награду за измену. Мне известно, что самый этот Огневик был несколько раз в Варшаве и проживал там тайно, по повелению Палея. Об этом писал ко мне этот же иезуит, за два месяца пред сим. Нет сомнения, что Палей в связях с Польшей, хотя и грабит польские области. Все это мы должны узнать... Пойдем!

– Давно пора кончить это дело, – примолвил Орлик. – Мы напрасно теряем время. Что за важная особа этот запорожский головорез? Аминь ему!

– Мы тотчас кончим, – возразил Мазепа и, засветив фонарь, отдал его Орлику, а сам, опираясь на костыль, пошел в ту самую комнату, где схватили Огневику; велел Орлику поднять опускную дверь и, держась за него, сошел в подземелье, по тайной лестнице.

Между тем верные сердюки гетманские, Кондаченко и Быевский, расковывали Огневику, который, предчувствуя, что его ведут на казнь, радовался ближнему окончанию страданий, предпочитая смерть вечному заключению в темнице. Невольно подумал он о жизни, и прошлые радости и будущие надежды отозвались в душе его, как отдаленные звуки мелодии в ночной тишине. Он забылся на минуту и тяжело вздохнул. Кровь в нем взволновалась, быстро пролилась по всем жилам и скопилась к сердцу: оно сжалось, и холод с дрожью пробежал по всему телу.

Кондаченко, который, стоя на коленях, поддерживал ногу Огневику (между тем как Быевский развинчивал оковы), почувствовал, что узник затрепетал.

– Что, брат, струсил! – сказал насмешливо Кондаченко, посмотрев в лицо Огневику.

– Молчи, палач, и делай свое дело! – возразил Огневик грозным голосом.

– Палач! Я палач? Ах ты разбойник, бесов сын! – воскликнул Кондаченко в бешенстве и уставил кулаки, готовясь ударить пленника. Быевский удержал за руку своего товарища.

– Перестань! – сказал он. – Пусть черт дерется с мертвецами. Он почти уж в могиле!

– Постой, проклятая палеевская собака! Ты у меня завоешь другим голосом! – завопил Кондаченко и так сильно дернул за ногу сидевшего на соломе пленника, что тот упал навзничь.

– Расковывай скорее, что ли! – примолвил Кондаченко Быевскому. – Пора молодца на пляску!

Медленно привстал Огневик. Ничто не оскорбляет столько благородной души, как унижение в несчастии. Не будучи в состоянии отомстить за обиду, он посмотрел с негодованием на дерзкого и сказал ему:

– Презренная тварь! И дикие звери не ругаются над добычей, готовясь растерзать ее, а ты...

– Полно толковать! – вскричал озлобленный Кондаченко. – Вставай и ступай на расправу! – Огневик не мог подняться на ноги. Сердюки пособили ему встать и, связав

назад руки, повели его из темницы. Тюремщик шел впереди с фонарем. Несчастный пленник, лежавший около двух недель без всякого движения, почти без пищи, в стесненном воздухе, едва мог передвигать ноги от слабости. Быевский поддерживал его. Пройдя длинный коридор, они вошли в погреб, которого дверь была не заперта. Провожатые позволили Огневику присесть на отрубке дерева, и он, бросив взор кругом подземелья, догадался, какая участь его ожидает.

В одном углу стоял стол, покрытый черным сукном. На столе находились бумаги, письменный прибор, огромная книга в бархатном переплете с серебряными углами и застежками, вероятно Евангелие. Между двумя свечами стояло распятие из слоновой кости. Возле стола стояли двое кресел. В своде погреба вделаны были большие железные кольца. На середине стоял узкий стол, нагнутый к одному концу, а на четырех углах вбиты были также железные кольца, при которых висели сыромятные ремни. В другом углу погреба сидел немой татарин и раздувал огонь в жаровне. Голубоватое пламя освещало смуглое, лоснящееся лицо татарина, который, смотря со злобною улыбкой на узника, выказывал ряды белых зубов, как будто готовясь растерзать его. Татарин встал, взвалил на плечи тяжелый кожаный мешок, приблизился к Огневику и высыпал перед ним страшные орудия пытки: клещи, молотки, пилы, гвозди... Сталь зазвучала на каменном полу, и в то же время раздался под сводами глухой, пронзительный хохот немого татарина. Эти адские звуки проникли до сердца несчастной жертвы. Огневик невольно содрогнулся.

Вдруг дверь настежь растворилась. Вошли Мазепа и Орлик. Мазепа остановился, окинул взором Огневику и медленными шагами приблизился к креслам, сел и, облокотясь на свой костыль, продолжал пристально смотреть на узника. Орлик уселся за столом и стал разбирать бумаги. Татарин примкнул двери и присел по-прежнему возле жаровни. Огневик не трогался с места и, взглянув мельком на гетмана, потупил глаза.

— Ты сам причиною своего несчастья, — сказал Мазепа Огневику смягченным голосом. — Я предлагал тебе дружбу мою и мои милости взамен твоей откровенности, но ты упорствуешь, и я принужден прибегнуть к последним средствам. Терпенье мое истощилось, и если теперь ты не признаешься во всем и не будешь отвечать удовлетворительно на вопросы, то кончишь жизнь в жесточайших мучениях. Если ты христианин и хранишь в сердце веру отцов своих, то подумай, какой грех берешь на душу свою, лишая себя добровольно дарованной тебе Богом жизни, упорствуя во лжи и в обмане! Если ложный стыд удерживает тебя, то я поклянусь тебе на Евангелии, что сознание твое останется навсегда тайною и что я не предприиму никаких мер противу Палея, чтоб сделать сие дело гласным. Выскажи правду и ступай себе с Богом, куда заблагорассудишь, если не пожелаешь остаться при мне! Ни с одним из врагов моих не поступал я столь человеколюбиво... Ты возбудил во мне участие... Страшись превратить это чувство в месть! — Мазепа замолчал и, не ожидая ответа Огневику, обратился к Орлику, примолвил:

— Делай свое дело!

— Мне не для чего повторять тебе, в чем ты обвинен, — сказал Орлик Огневику, — товарищ твой, Иванчук, захваченный в одну ночь с тобой, во всем признался. Он подтвердил присягою свое показание, что изменник Палей, полковник Хвостовский, присвоивающий себе звание гетмана и не признающий власти законной, выслал вас сюда, чтоб умертвить ясновельможного нашего гетмана, произвести мятеж в войске малороссийском и заставить своих клеветников избрать себя в гетманы. Ты видишь, что нам все известно, итак, воспользуйся милостью ясновельможного гетмана, сознайся, и дело будет кончено.

— Вельможный писарь войсковой! — отвечал Огневик. — Иванчук не мог признаться тебе в том, чего не бывало. Если б Палей имел какие злые замыслы, то скажу, не хвалясь, он бы скорее открылся мне, нежели Иванчуку, однако ж я ничего не знаю о том, что ты говоришь. Сведи меня на очную ставку с Иванчуком: пусть он уличит меня.

– Это вовсе не нужно, – возразил Орлик. – Ты сам уличил себя, вошед в дом ясновельможного гетмана вооруженный, ночью порою, и стараясь силою пробиться сквозь стражу. Ты весьма обманываешься, почитая нас столь глупыми, чтоб мы могли поверить сказке, выдуманной тобою в свое оправдание. Итак, говори правду... или прочти последнюю молитву, и... Огневик быстро привстал, как будто чувствуя возрождение сил своих. Лицо его покрылось слабым румянцем, в глазах отразилось пламя, вспыхнувшее в душе его.

– Слушай, гетман, последние слова мои! Не хочу предстать пред судом Божиим с ложью на сердце и скажу тебе правду.

Гетман поднял голову, Орлик встал с своего места, и Огневик продолжал:

– Я вошел в дом твой с умыслом. Скажу более: для исполнения сего умысла я нарочно напросился у Палея, чтоб он выслал меня в Батурин, вместо назначенного в посланцы священника Никифора. Но ни Палей, ни Иванчук и никто в мире, кроме меня и еще одного лица, не знают причины, для которой я хотел проникнуть в дом твой. Это собственная моя тайна, и она не касается ни до тебя, гетман, ни до Палея, ни до войска малороссийского. Я не имел намерения убить тебя, гетман, и даже не помышлял о тебе, входя в дом твой. Что же касается до замыслов Палея, то я знаю, что это одни только догадки твоего тревожливому уму, потому что Палей не имеет других намерений, как искренно помириться с тобою, для пользы службы его царского величества. Вот святая истина: теперь делай со мною что хочешь!..

– Ты должен непременно сказать, зачем вошел в дом мой ночью, – сказал Мазепа. – В противном случае то, что ты называешь правдивым сознанием, еще более навлекает на тебя подозрение в злом умысле. Говори!..

– Это моя тайна, – отвечал Огневик, – и если б ты мог превратить в жизнь каждую каплю моей крови и каждую из сих жизней исторгал веками мучений, то и тогда не узнаешь ничего. Вот я безоружный перед тобой!.. Режь меня на части... тайна моя ляжет со мной в могилу!..

– Заставь его говорить, Орлик! – сказал хладнокровно Мазепа, сложил руки крестом на костыле и, опершись на него подбородком, потупил глаза.

– На встряску его! – сказал грозно Орлик. Клевреты гетмана потащили Огневику на середину погреба, сорвали с него одежду и обнажили до пояса. После того повалили его на пол, привязали руки к железному кольцу, а ноги к двум деревянным толстым отрубкам, продели веревку от кольца, к которому привязаны были руки страдальца, в кольцо, прибитое к потолку, и ожидали дальнейшего приказания.

– Скажешь ли правду? – возопил Орлик, бросив гневный взор на страдальца.

– Я все сказал вам что знаю и что мог высказать, – отвечал Огневик, – и вы ничего не услышите более от меня, кроме проклятия вам, изверги!..

– Поднимай! – закричал Орлик, ударив кулаком по столу. Два дюжих сердюка и татарин ухватились за конец веревки и стали тянуть медленно до тех пор, пока страдалец не поднялся на руках до того, что чурбаны, привязанные к ногам, чуть дотрагивались до полу. Тогда удвоив усилия, они, по условленному знаку, дернули вдруг за веревку. Все члены страдальца хрустнули в суставах, и он повис на руках. Положение его было ужасное. Все жилы вытянулись в нем до такой степени, что едва не полопались. Истощенные силы несчастного узника не могли выдержать сего внезапного напряжения. Сперва лицо его покраснело, и вдруг он побледнел как труп, глаза его закатились, голова перевалилась назад, и кровь хлынула изо рта и из носа... он лишился чувств.

Мазепа сидел во все это время в безмолвии, потупя глаза, и, казалось, ожидал воплей страдальца, чтоб возобновить вопросы. Но не слыша никакого звука, он поднял голову и, увидев Огневику, без чувств облитого кровью, оборотился к Орлику и сказал по-латыни, хладнокровно:

– Видишь ли, что наш доктор прав! Он сказал, что гораздо лучше пытаться человека сильного и здорового, нежели истощенного, уверяя, что чем человек здоровее, тем более может выдержать мучений, и притом тем сильнее чувствует боль. Вот тебе наука, Орлик! Ну что теперь нам с ним делать?

– Я не переменяю моего мнения, ясновельможный гетман! – отвечал Орлик также полатыни. – Мне кажется, что лучше всего будет, если мы избавимся от него поскорее. Велите придавить его, да и в землю!

– Для этого не стоило бы и начинать дела, – возразил Мазепа. – Нет, я непременно хочу, во что бы то ни стало извлечь из него эту тайну. Тут должно крыться что-нибудь весьма важное! Одно средство не удалось, попробуем другое. Вылечим его, выкормим, заставим полюбить приятности жизни – и тогда снова в пытку... Снимайте его! – примолвил он по-русски.

Истязатели опустили веревки, и несчастный упал, как труп, на землю. Мазепа встал с кресел, приблизился к нему, положил руку свою на его сердце и сказал:

– Он жив еще. Развяжите ему руки и ноги, а ты, Кондаченко, подай воды и уксусу...

Вдруг в коридоре послышались быстрые шаги, дверь с треском отворилась, и в погреб вбежала опрометью женщина. Она остановилась, вскрикнула, бросилась стремглав к Огневику и, припав к нему, обняла его и, прижавшись лицом к его лицу, оставалась неподвижно в сем положении, не вымолвив слова, не взглянув на сторону. Только по сильному волнению груди и по тяжкому дыханию приметна была в ней жизнь.

Мазепа стоял над трупом, как громом пораженный. Смертная бледность покрыла лицо его, костыль дрожал в руке, и он смотрел на молодую женщину диким взором, в котором попеременно изображались то злоба, то сострадание. Наконец он оборотился к Орлику, посмотрел на него значительно, покачал головою и горько улыбнулся дрожащими устами. Орлик пожал плечами и молчал.

– Тайна открыта, Орлик! – сказал Мазепа. – Но пытку суждено выдержать мне! Никакие мучения не сравнятся с тем, что я чувствую теперь в душе моей!.. В ней целый ад!.. Наталия!.. Наталия!.. Опомнись! – примолвил он тихим, прерывающимся голосом.

Молодая женщина, казалось, не слышала слов его и не переменила своего положения.

– Наталия! – сказал гетман ласково. – Отойди от него, дай нам помочь ему... Ты убьешь его, если не допустишь нас помочь ему.

Молодая женщина подняла голову, осмотрелась кругом и, уставив блуждающий взор на Мазепу, сказала тихо:

– Ты убил его... Ты убил моего жениха!..

– Твоего жениха! – воскликнул Мазепа. – Орлик, слышишь ли! – примолвил он голосом отчаяния.

Молодая женщина быстро приподнялась; бледное лицо ее покрылось пламенным румянцем; она одной рукой держала бесчувственную руку Огневика, а другой вынула нож из-за пазухи и сказала тихим, но твердым и спокойным голосом:

– Гетман! Эта кровь погасила в душе моей все прежние чувства к тебе и искупила долг мой. Теперь я свободна и не признаю твоей власти надо мною! Ты призрел меня, сироту, заступал место отца, воспитал, хотя в чужой стороне, но с родительским попечением, и я ежедневно молилась за тебя как за моего благодетеля. Одним ударом ты разрушил свое создание и убил того, кого я любила более жизни, более счастья, ты произнес мой смертный приговор... Ты любишь кровь... насладись кровью!.. – При сих словах она замахнулась на себя ножом; но Кондаченко, стоявший рядом с нею, схватил ее за руку и вырвал нож.

– Наталия! ради бога успокойся! – воскликнул Мазепа в отчаянье. – Этот человек не убит, он жив... он будет жить!.. Помогите ему! – примолвил он. – Орлик, помоги ему! Бегите за доктором! О, я несчастный! – Мазепа подошел к Наталье, взял ее за руки своими

дрожащими руками и, смотря на нее с нежностью, наблюдал все ее движения. Между тем Орлик послал за доктором тюремщика, стоявшего за дверьми, и велел оттирать Огневика уксусом и спиртами, которые принесены были прежде, как принадлежности пытки.

Наталия стояла неподвижно; глаза ее были красны, но в них не видно было слез, и в чертах лица ее заметно было какое-то отчаянное хладнокровие. Она пристально смотрела на бесчувственного Огневика и не отвечала Мазепе.

Вдруг Огневик открыл глаза и вздохнул. Наталия мгновенно вырвалась из рук Мазепы, бросилась снова к Огневику, стала пред ним на колени, взяла его за руки и с трепетом смотрела ему в лицо, как будто желая уловить первый взгляд его.

– Богдан, милый Богдан! – сказала она нежно. – Взгляни на меня! Это я... твоя Наталия! Они не убьют тебя!..

Этот голос проник до сердца Огневика и возбудил нем угасающую жизнь. Он пришел в чувство и, устремив взор на Наталью, пожал ей руку.

– Теперь смерть будет мне сладка, – сказал он слабым голосом, – я видел тебя... Пусть они убьют меня... Смерть лучше разлуки!..

– Они не разлучат нас, – сказала Наталия, – мы умрем вместе, если не можем жить друг без друга. Богдан! с этой минуты мы неразлучны!..

Каждое нежное слово, каждая ласка Натальи, обращаемые к Огневику, уязвляли сердце Мазепы. Он молчал и смотрел на любовников, как смотрит змей из железной клетки на недосягаемую добычу. Страшно было взглянуть на гетмана! Посинелые губы его и навислые брови судорожно шевелились; на бледном лице мгновенно показывался румянец и снова исчезал; глаза пылали. Между тем пришел Патер Заленский со склянками и перевязками и, не говоря ни слова, стал натирать и перевязывать Огневика.

– Наталия! – сказал наконец Мазепа. – Тебе неприлично быть здесь. Ступай в свои комнаты, я велю перенести твоего друга в верхнее жилье, и ты сама станешь ухаживать за ним.

Наталия оглянулась и смотрела на Мазепу с удивлением, как будто не доверяя своему слуху.

– Ты позволишь мне ухаживать за ним? Ты не запрешь его в темницу? О мой благодетель, мой отец! – воскликнула она и бросилась к ногам гетмана.

Мазепа поднял ее, поцеловал в голову и сказал нежно:

– Не обвиняй меня в жестокости противу него, Наталия! Я почитал его врагом моим, убийцею и должен был употребить обыкновенные судебные меры для исследования истины. Бог свидетель, что я с горестью в сердце исполнял сей тяжкий долг судьи! Но теперь, когда я знаю, зачем он вошел скрытно в дом мой; когда я вижу, что ты любишь его... он более не враг мой! Напротив, он мне столь же дорог, как собственное детище. Наталия! Счастье твое есть мое собственное благополучие, и я всем готов жертвовать, чтоб осушить твои слезы. Ты худо знаешь меня, Наталия, если думаешь, что я стану противиться твоему счастью, будучи убежден, что оно состоит в любви, в союзе с ним! Я человек простодушный и откровенный в дружбе и во вражде. Верь мне и успокойся! С этой поры он поступает в семью мою!..

Наталия рыдала и, улыбаясь сквозь слезы, целовала руки Мазепы, обнимала его колени, была вне себя от радости.

– Отнесите его бережно в мои комнаты, – сказал гетман Кондаченке, и он с Быевским и татаринном понесли больного на плаще. Наталия шла рядом, поддерживая его голову.

Во все это время Орлик не трогался с места и стоял как окаменелый. Он знал, кто такова Наталия; знал, с каким намерением гетман велел привезти ее из Варшавы, и потому думал, что, открыв любовную связь ее с человеком, которого он почитал не более как разбойником из мятежной шайки Палея, гетман без отлагательства, своеручно убьет дерзкого обольстителя. Непостижимая слабость характера, оказанная Мазепою в сию решительную минуту,

удивляла Орлика, и он едва верил собственным чувствам. Но один взгляд Мазепы вывел его из недоумения. Когда вынесли Огневика из погреба и когда Наталия удалилась, Мазепа обратился к Орлику, взглянул на него весело и простодушно улыбнулся. Орлик совершенно знал Мазепу: это была улыбка торжества и самодовольствия, и потому Орлик догадался, что Мазепа составил какой-нибудь замысел, которого успех верен и ответствен его пользе. Орлик успокоился.

– Подай мне руку, верный мой Орлик! – сказал Мазепа. – И проводи меня в мою светлицу. Мне нужно успокоение. А ты, почтенный друг мой! – примолвил он, обращаясь к иезуиту. – Приложи попечение о здоровье твоего прежнего ученика. Жизнь его мне драгоценна. Клянусь тебе, что она мне драгоценнее, чем смерть десятерых врагов. Прошу тебя также, успокой Наталию и уверь ее, что я не стану противиться их любви... Завтра мы поговорим об этом подробнее.

Вошед в свою почивальню, Мазепа послал немедленно татарина за Марьей Ивановной Ломтиковской и остался наедине с Орликом.

Мазепа бросился на софу, вздохнул и, покачав головою, сказал:

– Ну что ты думаешь об этом, Орлик?

– Все, что я видел и слышал, кажется мне непонятным, непостижимым, чудесным!

– А мне все это кажется простым и весьма обыкновенным, – возразил Мазепа. – Ты знаешь, что Палей несколько раз посылал Огневика в Варшаву. Молодой человек мог встретиться там с Наталией, влюбился и снискал ее любовь. Узнав, что она здесь, он хотел повидаться с нею, а может быть, и похитить ее из моего дома. Все это весьма просто и естественно. Что он не признался в истинной причине своего ночного посещения – это весьма похвально, а что Наталия скрывала до последней минуты свою любовь и не пришла просить у меня прощения для своего любовника, это также весьма благоразумно, ибо, вероятно, она надеялась освободить его из темницы и, весьма основательно, не полагалась на мое снисхождение. Но каким образом Наталия узнала о времени пытки? Как она попала в подземелье?.. Вот это загадка, которую мы должны разгадать. Если эту шутку не состряпал наш проклятый иезуит, то очевидно, что между моими людьми есть изменники, которых надобно известить, как ядовитых гадин. Время все откроет! Только надобно терпенье, а твой единственный порок, Орлик, нетерпеливость! Ты не можешь представить себе, сколько мне стоило труда преодолеть справедливый мой гнев и негодование!.. Сердце мое чуть не лопнуло от внутренней борьбы. Но я победил себя и этою победою над собою восторжествовал над моими врагами! Какая была бы польза, если б я вспыхнул, разгорячился... даже убил Огневика? В глазах Наталии я был бы чудовищем; хотя бы она и забыла со временем Огневика, но всегда бы ненавидела меня, его убийцу. Пусть он умрет естественною смертью...

– Понимаю! – подхватил Орлик. – Порошок или пилюли сделают свое дело. Конечно, это лучше!..

– Это совсем не лучше, и ты не понимаешь меня, Орлик, – примолвил Мазепа. – Я хотел сказать, что, когда он умрет естественною смертью, тогда Наталия простит мне, ибо я пытал его как врага, не зная о ее любви к нему. Но мне не нужна смерть его. Напротив, я дал бы год собственной жизни за его исцеление.

– Признаюсь, что я вовсе не понимаю ничего! – сказал Орлик, склонив голову и размахнув руками.

– Поймешь, если я скажу тебе, что Огневик будет примирителем моим с Палеем.

– Неужели вы, ясновельможный гетман, искренно желаете примирения с Палеем и верите в его искренность?

– Верю или нет, это мое дело; но мне надобно помириться с ним; необходимо нужно, чтоб Палей верил моей искренности, и никто лучше не убедит его в этом, как воспитанник его и первый любимец, Огневик. Его же весьма легко убедить теперь в чем угодно, потому

что никто так не расположен всему верить, как влюбленные, особенно когда от его верования зависит успех их любви. Скажу тебе одним словом, что Огневик есть теперь главное веретено в моей политической машине и мы должны беречь и лелеять его как зеницу ока! Прошу тебя, верный мой Орлик, наблюдай сам за его исцелением и прикажи, чтоб скрывали от всех пребывание его в моем доме. Навещай его, приобретай его доверенность и дружбу твоими ласками... Прошу тебя об этом... Преодолей себя! Все это необходимо нужно к моему и твоему счастью. Но вот и Мария! Ступай с Богом, Орлик, до завтра!

— Что новенького, Мария? садись-ка да порасскажи мне, — сказал гетман.

— Кажется, что новости мои вам неприятны, ясновельможный гетман, итак, мне лучше молчать, потому что я не умею, подобно другим, лгать пред вами.

— Ого! Да ты не на шутку сердисься, Мария! Когда же я гневался на тебя за твои вести! Я гневался на тех, которые говорят про меня вздор, а не на тебя. Как друг твой, я не скрывал перед тобой чувств моих. Я имею к тебе полную доверенность, Мария, ибо убежден, что ты предана мне искренно.

Ломтиковская тотчас догадалась, что гетман имеет нужду в ее помощи в каком-нибудь важном деле. Она вознамерилась воспользоваться сим случаем к удовлетворению своего любопытства и корыстолюбия.

— Вы шутите, ясновельможный гетман, говоря, что имеете ко мне полную доверенность, — отвечала она с притворною досадой. — Передо мною сокрыто то, что знают даже ваши домашние прислужники!.. Гетман громко засмеялся.

— О женщины, отродие Евино! — сказал он, смеясь. — Тебя все мучит эта варшавская красавица, не правда ли? Тебе хотелось бы знать, какова она, как одевается, как ходит, как говорит!.. Изволь, милая, я доставлю тебе удовольствие быть с нею по целым суткам... Слышишь ли?

Мария смотрела Мазепе в лицо, не веря словам его и думая, что он шутит над нею.

Вдруг Мазепа принял важный вид.

— Ты сказывала мне, — примолвил он, — будто в войске и даже в Киеве толкуют, что эта девица моя любовница, моя невеста, присланная ко мне из Польши, для уловления меня в сети измены своею необыкновенною хитростью. Увидишь, Мария, как справедливы народные толки и как мудры догадки людей, почитающих себя умными и дальновидными! Правда, эта девица имеет жениха, но этот счастливец — не я, а тот самый запорожский удалец, о котором говорили, что он хотел убить меня. Он здесь, болен, и пока выздоровеет, ты должна быть при нем, ухаживать за ним, как бы ты ухаживала за мною, а между тем наблюдать, чтобы эта варшавская девица, его невеста, которая будет навещать его, не оставалась с ним наедине. Влюбленные не думают о приличиях, о клевете, и чем они безвиннее, тем скорее подают повод к злословию. Я не доверяю польской воспитательнице этой девицы и имею на то мои причины. Тебе поручаю я важное звание надзирательницы с условием, чтоб ты не беспокоила ни девицы, ни ее жениха своими расспросами и скрывала пред всеми, что посланец Палея скрыт в моем доме. Вообще, ты должна хранить в глубокой тайне все, что ты узнаешь, все, что услышишь и увидишь. За преступление сего приказания — смерть! Слышишь ли — смерть! Ты знаешь меня, Мария; я человек добродушный и простосердечный, почитаю величайшим наслаждением награждать верных исполнителей моей воли и неумолим в праведном наказании — как самая судьба!

— Вы напрасно, ясновельможный гетман, огорчаете себя, припоминая об изменниках, о непослушных, о казнях!.. Все это до меня не касается... Жизнь моя посвящена вам, и я готова была бы наперед выколоть себе глаза и отрезать язык, если б не надеялась, что они будут послушны моей воле, то есть вашей воле. — Ломтиковская едва могла скрыть радость, возбужденную в ней повелением гетмана, достигнув до того, чего так пламенно желала.

– Я верю тебе, Мария, – сказал гетман с видом простодушия, – но любя тебя искренно, должен предостеречь, что сто глаз и сто ушей будут наблюдать за всеми твоими поступками и подслушивать... даже мысли твои! Ты знаешь хорошо Орлика!

Ломтиковская наморщилась.

– Его личные выгоды сопряжены с сохранением сей тайны, и если он откроет какую-либо нескромность... то ты погибнешь прежде, чем я узнаю об этом! Берегись, Мария!

– Пусть сам черт или чертов брат, Орлик, смотрит во сто своих глаз и слушает своей сотней ушей... Надеюсь, однако ж, что найдется хоть один праведный язык, который донесет вам о моей верности.

– Я слышал, что муж твой хотел взять в арендное содержание Чигиринскую мельницу, – сказал гетман. – Я отдаю ее тебе в трехлетний срок, без платежа откупных денег.

Ломтиковская поцеловала руку гетмана.

– Прощай, Мария! – примолвил он. – Завтра переселись ко мне в дом и разгласи в городе, что ты призвана ухаживать за мною, в моей тяжелой болезни. До времени я не хочу показываться войску.

Ломтиковская вышла, и Мазепа захлопал в ладоши. Вошел немой татарин, раздеть и уложить в постель гетмана. Татарин был угрюм и грустен. Он похож был на волка, который уже ощущал на языке теплую кровь добычи и лишился ее от внезапного нападения охотничьих псов.

Мазепа не нашел сна на мягком ложе. Сильные страсти и исполинские замыслы порождали в нем мысли и желания, которые беспрестанно росли, созревали и тем более терзали его наедине, чем усильнее он старался скрывать их пред людьми. Тщетно он закрывал глаза и хотел забыться. Каждая капля крови перекатывалась чрез сердце его, как холодный и тяжелый свинец. Мазепа, до восхождения солнца, переворачивался в постели, вздыхал, охал и, наконец, выбившись из сил, заснул, чтобы снова мучиться в сновидениях.

ГЛАВА V

*Ой, на горе да женьци жнут,
А под пид горою
По пид зеленою
Казаки йдут.*

Малор. песня

Необозримая долина, покрытая высокою, густою травою, оканчивалась холмами, между коими поднимался туман, разгоняемый лучами восходящего солнца. После дождливой и бурной ночи настало тихое и теплое утро. По степи, без дороги, тянулась ватага украинских казаков. Впереди ехал на вороном турецком жеребце воин высокого роста, сухощавый, бледный. Седые усы его ниспадали на грудь. Бритая голова покрыта была низкою шапкой с голубым бархатным верхом и с собольим околышком, а из-под шапки, надетой набекрень, висел клочок белых, как лунь, волос, или чуприна. Он был в синем суконном кунтуше, с прорезными и закидными рукавами, подбитом светло-голубою шелковою тканью, в красных бархатных шароварах и в желтых сафьяных сапогах. За столом персидским кушаком заткнут был турецкий кинжал; чрез плечо, на красных шелковых шнурках висела кривая турецкая сабля в золотых ножнах. Турецкое, окованное серебром, седло покрыто было бархатным чапраком с золотою бахромой. На коне был ронтик с серебром и сердаликами. Воин держал в зубах короткую трубку и сквозь дым, пробивающийся чрез густые усы, вперял взор вдаль. Лицо его было угрюмое и суровое, нос длинный, орлиный, губы тонкие, а большие черные глаза светились из-под седых, навислых бровей, как звезды. За ним ехал казак в синем кобеньяке Род шинели., насунув видлогу Капюшон. на малую шапку из черной овчины, и держал в руке аркан, которого другой конец зацеплен был за шею жиды, ехавшего без седла, с связанными назад руками, на тощей кляче. Бедный жид был в одном полукафтаны, без шапки, с открытою грудью, босиком. Ветер развеивал длинные его волосы и осушал слезы, которые оставили светлые следы на грязном и бледном его лице. Другой казак вел одну заводную и одну вьючную лошадь. В некотором отдалении ехали рядом два воина, одетые также в короткие суконные кунтуши синего цвета и в голубых бархатных шапках. Наряд их был простой, и только в оружии и в конской сбруе видно было золото и серебро. Один из них был уже в пожилых годах, а другой молод и красив, с гордым взглядом, с богатырскою ухваткой. За ними ехали в беспорядке, но в тишине казаки, по одному, по два и по несколько вместе. Некоторые были в кобеньяках, а другие сняли кобеньяки и перевесили их чрез седло. Наряд простых казаков состоял из синей куртки с нашивными на груди карманами, для хранения зарядов, и из широких холстинных шаровар, также с нашивными карманами по обеим сторонам, в которых были пистолеты. Все казаки имели одинаковые низкие шапки из черной овчины с голубым верхом и светло-голубые шерстяные кушаки. У каждого была сабля при бедре, за плечом ружье, обернутое в овчину, и в руке длинная пика. Чрез плечо на ремне висела нагайка. С тылу чрез седло перевален был мешок с съестными припасами и кормом, а наперед была баклага с водою и аркан, свернутый в кольцо. Всех казаков было человек двести, и между ними не было ни одного молодого. Почти у каждого седина пробивалась в усах и в чуприне.

Ватага повернула к оврагу, поросшему кустарниками, чрез который проходила дорога, извиваясь змейкой по степи. Лишь только передовой, богатоубранный воин въехал на дорогу, на повороте, за кустами, послышался скрип телеги и голос погонщика волов. Ватага продолжала шествие свое. Вскоре телега, запряженная парюю волов, показалась из-за поворота. Украинский поселянин, в свитке, в шапке, слез с воза, поворотил телегу на сторону,

остановил волов, и, когда передовой воин поравнялся с ним, поселянин снял шапку и поклонился ему в пояс.

– Здорово, хлопче! – сказал передовой воин.

Мужик поднял глаза и, как будто пораженный блеском убранства воина, еще ниже поклонился, примолвив:

– Здоров будь, пане! – Потом, взглянув простодушно на воина, выпучил глаза, разинул рот и, осмотрев его с головы до пят, спросил: – А куда едете, панове?

– _Куколь с пшеницы выбирать_; жидов и ляхов резать! – отвечал хладнокровно передовой воин.

Жид вздрогнул, как будто его кто уколол под бок, сделал жалостную гримасу, но не смел пикнуть, страшась казачьих нагаек.

– Помогай Бог! – отвечал простодушно мужик.

– А далеко ли до Днепра? – спросил передовой казак.

– Для проклятого ляха или для поганого жида была бы миля, а для тебя, пане, скажу только – на один воловий рык, – отвечал мужик.

Передовой воин улыбнулся, вынул из кармана талер и бросил мужику, который не спускал глаз с воина и даже не наклонился, чтоб поднять талер.

– Возьми деньги и пей за наше здоровье! – сказал передовой воин.

– Мы и за свои гроши пьем за твое здоровье, пане, коли ляхи да жида не подсматривают за нами да не подслушают, – отвечал мужик.

– А разве ты знаешь меня? – спросил воин.

– Как нам не знать батьку нашего, пана Палей! – отвечал мужик, снова поклонись в землю.

Это был в самом деле знаменитый вождь Украинской вольницы, Семен Палей, гроза татар и поляков, бич жидов и жестоких помещиков, ужа Мазепы, идол угнетенного народа в польской Украине, любимец войска малороссийского и Запорожского. Казаки и поселяне не называли иначе Палей, как батькой, и это нежное, сердечное наименование употребляли всегда, говоря с ним и про него. Палей гордился этим прозванием более, нежели титулом ясневельможного, которым величали его паны польские и даже сам король; а с тех пор, как отложился от Польши и объявил себя подданным царя русского, он истребил в своей вольнице все прежние польские обыкновения, удержал только наряд польский, который носили тогда все знатные украинцы и чиновники царского войска малороссийского.

Палей бросил мужику другой талер и спросил:

– Не слыхал ли про польских жовнеров или не собирается ли где шляхта?

– Не знаю, татар ли, москалей или тебя, батько, боятся ляхи, а только они крепко зашевелились, как овцы перед стрижкой. Отовсюду гонят подводы да свозят всякий запас в Житомир. Слышно, что паны наши да экономы, тряса их матери! берут за то гроши, а нам велят давать хлеб и волов даром! Вот и к нашему пану наехало ляхов тьма-тьмущая. Сами ляхи – бис бив бы их батьку! – пируют на панском дворе, а коней своих да ляшенков расставили по селам да велят объедать, нас, бедных! Ты знаешь, батько, что ныне у нас завелось два короля, и наш пан держит за новым королем, так и собирает у себя ляхов, чтоб идти на старого короля. Брат мой, надворный казак В прежнее время украинские паны выбирали из своих крестьян годных на службу людей, вооружали и одевали их по-казацки и употребляли для защиты своих поместий. Даже до нашего времени сохранился сей обычай. Но в наше время надворных казаков вооружают одними нагайками, и употребляют только для посылок и для экзекуций по деревням, при собирании податей., сказывал мне, что ляхи навезли к пану целые скрини с грошами, а разве жид да бис увидит ляшский шеляг!

– Гроши будут наши, а ляхи – собакам мясо! – сказал Палей. – А как зовут твоего пана?

– Пан Дульский, тот, что... Палей не дал мужику кончить.

– А я к нему-то именно и еду в гости, – сказал он. – Так ты говоришь, что у него собралось много ляхов? А сколько, например?

– Считать я их не считал, а знаю, что их будет больше, чем скота в панском стаде...

– Сотни три, четыре, что ли? – спросил Палей.

– Уж верно, сотни четыре, – отвечал мужик. – Не ходи теперь, батько, к нашему пану, а то тебе мудрено будет добраться до него, коли ты к нему едешь с тем, чего мы ему у Бога просим. Панский двор окопан валом, на валу стоят двенадцать пушек, да еще каких крепких, железных! А перед валом ров, а за рвом частокол, а за частоколом стоят ляхи с ружьями, а ворота одни, да и те на запоре, а за воротами решетка, да еще железная, а над воротами куча камней, а за камнями...

– Довольно, довольно! Спасибо за хорошие вести, – примолвил Палей и бросил третий талер мужику.

– Хорошие вести, хорошие вести! – проворчал мужик с удивлением, подбирая деньги. – От этих хороших вестей у другого бы морозом подрало по коже, а нашему батьке пули как вареники, а пушка как бабья ступа!

– Что ты ворчишь себе под нос? – сказал Палей.

– Так, ничего, а дивлюсь только, что ты не боишься ни панских пушек, ни ляшских ружей, а нам так и от канчука экономского деваться некуда!

– С завтрашнего дня эконом ваш не будет больше размахивать канчуком, а взмахнет всеми четырьмя, да и поминай как звали! – сказал Палей.

– Ой, дай-то, Боже! – сказал мужик, перекрестясь.

– Ведь ты слышал уже, что мы идем куколь из пшеницы выбирать? – примолвил Палей.

– Да, да! Ляхов и жидов резать!.. Помогай Боже, помогай Боже! – сказал мужик, крестясь и кланяясь.

– Только смотри ж... ни гугу! – сказал Палей. – Никому ни словечка, что видал меня с моими детками!

– Хоть бы меня на крыже раскряжевали, хоть бы век горелки не пить, хоть бы жиду служить, хоть бы быть прокляту, не скажу и отцу родному! – отвечал мужик. – Ступай, батько, куколь из пшеницы выбирать! Бог помочь! Счастливый путь!

Палей махнул нагайкой, улыбнулся и поехал вперед по дороге, ведущей к Днепру. Влево видна была вдали колокольня. Палей снова своротил с дороги и целиком поехал к холмам, покрытым лесом. Чрез час он въехал на холм, и величественный Днепр открылся его взорам. Бодрый старик соскочил с лошади и, обернувшись к своим казакам, сказал:

– Здесь, детки, отдохните и покормите коней! Огней не разводите и держаться в куче. Иванчук! расставь часовых вокруг. Москаленко! размести коней по десяткам, да смотри, все ли в порядке. Грицко! подай горелки и сала!

Палей бросился под дерево, набил снова трубку и стал вырубать огонь, мурлыча про себя известную украинскую песню:

Ой, кто в лисе,
Отзовися!
Выкрешило огня,
Потягнемо люльки,
Не журися!

Иванчук был тот самый старый есаул, который спасся бегством из Батурина, когда его уведомили, что Огневик захвачен в гетманском дворце. Зная хорошо характер Мазепы, Иванчук был уверен, что ему не миновать участи Огневика; а потому, для уведомления Палея о случившемся, заблагорассудил отправиться к нему немедленно, не ожидая окончания пере-

говоров. Москаленко, молодой казак, ехавший рядом с Иванчуком, был сотник в вольнице Палеевой. Только один Палей знал его настоящее прозвание, которое молодой сотник скрывал пред всеми. По месту его родины, по Москве, Палей прозвал его Москаленкой. Он был сын одного из стрелецких старшин, казненных за буйное сопротивление воле Петра Великого. Двое старых стрельцов, успев спастись бегством из Москвы, взяли с собой сына своего начальника, юного Лаврентия, и чрез Польшу пришли в Запорожье, где Лаврентий приучился к военному ремеслу, не забыв грамоты и некоторых сведений в истории и географии, приобретенных им в родительском доме, от старого монаха Заиконоспасского монастыря. На двадцатом году от рождения, прельстясь славой Палея, Лаврентий упротосил Кошевого атамана запорожцев, Гордеенку, отпустить его в службу к вождю Украинской вольницы и уже три года служил при нем, отличаясь храбростью, расторопностью и пламенной привязанностью к Палею, который любил его за сие, как родное дитя, почти так, как Огневика.

Иванчук вскоре возвратился, и Палей позвал его и Москаленку позавтракать с собою.

Грицко разостлал ковер на траве, поставил деревянную, обшитую кожей баклагу с водкой и кошель, в котором были сухари и свиное сало, любимая пища украинцев. Палей перекрестился, выпил порядочный глоток водки, вынул из-за пояса кинжал и отрезал кусок сала, взял сухарь и, зачесав пальцами длинные свои усы, стал завтракать, подвинув кошель к своим собеседникам, которые присели возле ковра. Между тем казаки подвешивали коням торбы с овсом.

Невзирая на то что дружина Палеева называлась вольницей, она рабски повиновалась воле своего начальника. Во время похода Палей запретил казакам возить с собой водку и вообще предаваться пьянству, и сколь ни склонны были к сему его подчиненные, но не смели преступить запрещения, зная, что жестокое наказание постигнет виновного. С жадностью поглядывали казаки на баклагу, стоявшую пред Палеем, и, казалось, поглощали ее взорами.

– Грицко! – сказал Палей. – Дай по доброй чарке горелки деткам!

Грицко снял две большие баклаги с вьючной лошади, вынул из мешка медную чарку величиною с пивной стакан и перевесив баклаги чрез оба плеча, пошел к толпе и стал потчевать усатых деток Палеевых, которые как будто пробудились от запаха водки и стали прыгать и подшучивать вокруг Грицка.

Позавтракав, Палей обтер усы рукавом своего кунтуша, помолился, снова закурил трубку и велел позвать к себе жида, который во все это время стоял ни живой ни мертвый под деревом, поглядывая вокруг себя исподлобья. Жид, подошед к Палею, бросился ему в ноги и не мог ничего сказать от страха, а только завопил жалобно: "Аи вей, аи вей!"

– Пан Дульский подослал тебя узнать, что я делаю и можно ли напасть на меня врасплох, в Белой Церкви. Жаль мне, что ты не получил обещанных тебе им пятидесяти червонцев, потому что я сам повезу к нему вести, которые он поручил тебе собрать об нас, своих добрых приятелях! Но как ты не станешь с нами есть свинины, воевать не умеешь, а плутовать хоть бы рад, да мы не хотим, то мне нечего делать с тобой, и я решился отправить тебя на приволье, где у тебя будет рыбы вдоволь, хоть не ешь, а воды столько, что ты можешь наделить всех шинкарей, которые разводят ею горелку. Детки, в Днепр иуду!

Стоявшие вблизи казаки, которые, закусывая, слушали с приметным удовольствием речь своего вождя, бросились на жида, как волки на паршивую овцу, отогнанную от стада, и с хохотом и приговорками потащили его к реке.

– О вей! – закричал жид. – Ясневельможный пане, выслушай!.. Я тебе скажу большое дело... важное дело... весьма тайное дело... Только помилуй... пожалей жены и сирот!

– Я не пан и даже не шляхтич, а простой казак запорожский, – сказал Палей, – однако ж выслушать тебя готов. Постойте, детки! Ну говори, что ты знаешь важного.

– А если скажу, то помилуешь ли меня? – сказал жид, дрожа и плача. – Я бедный жидок и должен был сделать, что велит пан. У меня бедная жена и четверо бедных деток... они

помрут без меня с голоду... Прости! помилуй! – Жид снова бросился в ноги Палею и зарыдал.

– Так это-то твое важное и великое дело! – возразил Палей. – Жизнь твоя, жена твоя и дети важны для тебя, а не для меня. Из твоих малых жиденков будут такие же большие жида-плуты, как и ты, а ведь кому тонуть, того не повесят! Один конец... в воду его!

Казаки снова потащили жида к реке.

– Ясневельможный пане! – возопил жид. – Ты не выслушал меня... я не успел сказать тебе важного дела... Постой... выслушай!

– Подайте его сюда, – сказал Палей. – Ну говори, что ли?

– А помилуешь ли меня, – возразил жид, трепеща от ужаса, – оставишь ли мне жизнь?.. Я ничего не прошу, только не убивай, не бросай меня в воду!

– Что ты, проклятый иуда, торговаться со мною хочешь, как в корчме, что ли! – воскликнул Палей грозно. – Говори, или я заставлю тебя говорить вот этим! – примолвил он, потрясая нагайкой.

– Изволь, Ясневельможный пане, я скажу тебе всю правду, – отвечал жид, морщась и закрыв глаза при виде нагайки. – К нашему пану и князю Дульскому приехала его родственница из Варшавы, княгиня Дульская, у которой первый муж был князь Вишневский. Сказывают, что пан гетман Мазепа хочет жениться на ней, и это слышал я от гайдука пани княгини, а гайдуку сказывала первая служанка пани княгини. Вот ровно неделя, в прошлый шабаш, приехал из Батурина к нашему пану ксенз иезуит и привез много бумаг, а пан наш да еще другие паны целую ночь читали эти бумаги, радовались, пили, поздравляли княгиню и отправили нашего конюшего к новому королю... Так видно, что тут дело пребольшое, когда пан гетман Мазепа пишет к панам, которые держатся за новым королем, а новый король неприятель московского царя, которому служит пан гетман Мазепа... Ну вот это дело важное!.. Помилуй меня, бедного жидка, ясневельможный пане! Сжался над моими бедными детками, над моею женою! – Жид снова зарыдал и бросился в ноги Палею. Казаки с трудом оттащили его на сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.